

Цена № 10 коп.

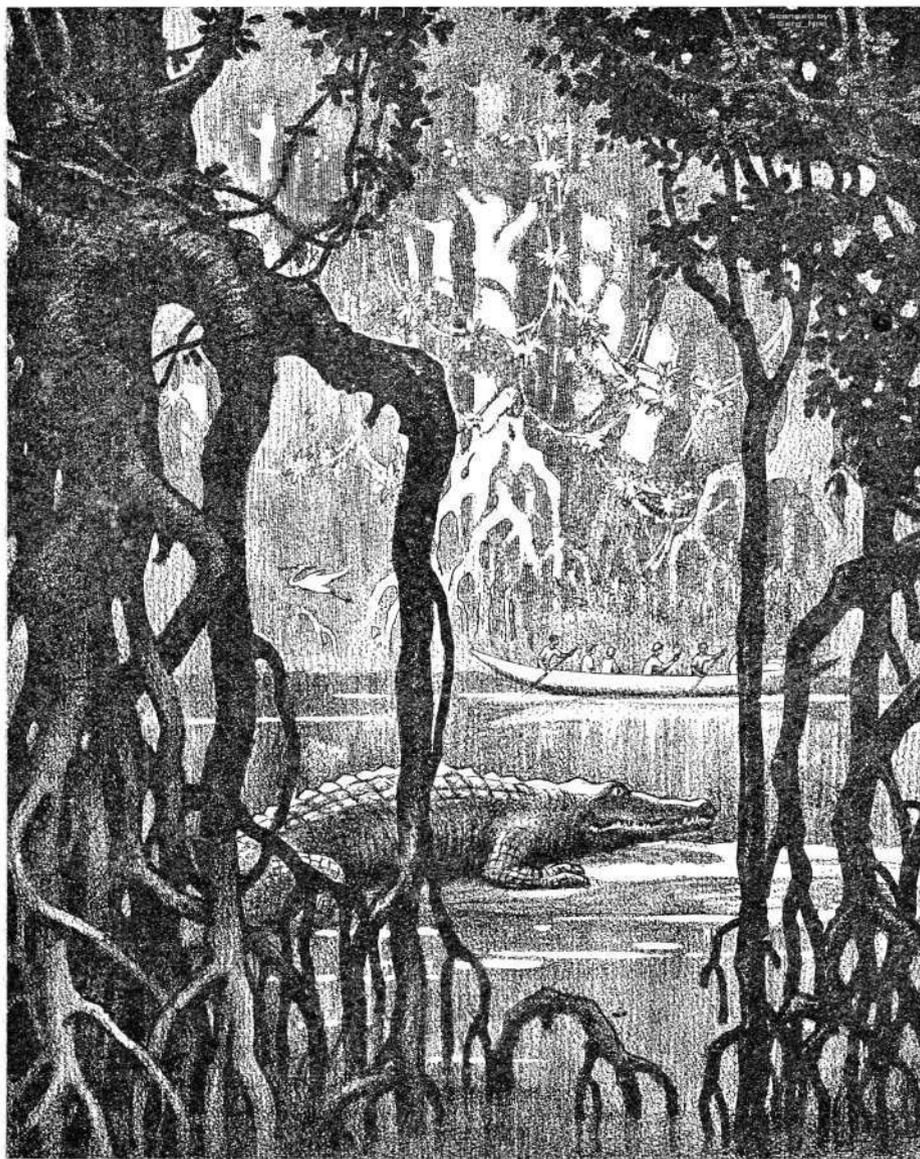
Приложение к журналу
„Ленинградский металлист“.

ВОКРУГ СВЕТА

1928 г.

ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

№ 3

Страж каучукового дерева. ...Когда лодка экспедиции подходила к дереву, крокодил всегда оказывался рядом...

СТРАЖ КАУЧУКОВОГО ДЕРЕВА

(К рисунку на обложке)

Не так давно в Манаосе (город в Бразилии, на р. Амазонке) появился человек, рассказы которого сильно взволновали местных искателей каучука. Этот человек говорил, что в верховьях Рио-Негро он нашел такие новые каучуковые деревья, которые даже при плохой обработке всегда дают тот резкий и вожделенный для каждого промышленника сорт каучука, который называется «Секунда-Пара». В подтверждение этот человек демонстрировал шесть огромных каучуковых шаров, действительно показывавших в разрезе изумительно тонкую и точную слоистость.

Сейчас же несколько экспедиций отправилось искать этот новый вид каучукового дерева. Но большинство из них, пропутав в джунглях бразильских лесов, вернулось ни с чем. Счастливей других оказалась экспедиция одной большой американской компании. С большими трудностями она поднялась по Рио-Негро до Касикиаре и здесь приступила к планомерному обследованию местности. Тяжелый, сырой климат, лихорадки, москиты, враждебно настроенные туземцы — все это сильно затруднило работу экспедиции. Но самолюбие, настойчивость, а главное, желание заработать, удерживали американцев на месте.

Раз, уже близко к вечеру, один из участников экспедиции, Рислей, неслаша плыл на своем челноке по маленькому озеру, образованному разливающейся в этом месте Касикиаре. По пути ему то и дело приходилось пробираться между деревьями, растущими здесь прямо из воды. Перелетевшие лианами воздушные корни их образовывали кругом темные, сырые гроты. В лабиринте корней легко было заблудиться, и поэтому Рислей внимательно смотрел по сторонам.

Вдруг его взгляд остановился на толстом стволе, наклонно выходящемся из воды. Задержав челнок и подылав, американец с радостью увидел, что это как раз и есть то дерево, которое они так долго ищут.

Запомнив хорошенько место, Рислей вернулся к товарищам, и на следующий день вся экспедиция, торжествуя, отправилась в большую лодку к найденному дереву, чтобы взять с него пробу каучука.

Но торжество членов экспедиции продолжалось недолго. Когда лодка уже совсем подходила к дереву, вода около нее вдруг как-то странно забулдила, и из

реки на людей выглянула длинная темная морда с парой немигающих маленьких глаз. Выглянув, она сразу скрылась.

— Крокодил! — испуганно воскликнули в один голос гробы-идейцы.

Рислей выдернул из-за пояса револьвер, но выстрелить он не успел. Вода вновь забулдила, на этот раз уже под самым бортом, и в следующее мгновение сильнейший удар в дно лодки заставил ее низко наклониться на один бок. Все в страхе уцепились за свои скамейки. Не успела лодка как следует выпрямиться, как второй удар подбросил ее на добрый фут из воды. От ужаса один гребец потерял равновесие и, падая за борт, перевернулся лодку. Все очутились в воде.

Место было неглубокое, и все окончилось бы благополучно, если бы крокодил не возобновил нападение, в результате которого у капитана экспедиции оказалась сильно исцарапанной нога, а один индеец даже потерял кусок мяса на пятку. Необходимо было перевязать раненых, и поэтому все вернулись на бивуак, не сумев взять пробы с дерева.

На Следующий день попытку повторили. Индейцы отказались грести, и на лодке поехали одни американцы. Все думали, что крокодил уже ушел с этого места, и были спокойны. Но дело кончилось тем же.

Незаметно поднырнув под лодку, крокодил перевернул ее с еще большей легкостью, чем накануне. Когда же настоящие американцы попытались хоть по пояс в воде добраться до дерева, то у одного был стащен с ноги башмак, а другой получил такой удар от хвоста крокодила, что долго не мог опомниться. И опять пришлось вернуться ни с чем.

Такие попытки повторялись все чаще и чаще. И все они кончались одинаково. Это была настоящая война. Как только кто-нибудь подъезжал к дереву, крокодил сейчас же оказывался здесь, неизменно переворачивая лодку, а потом кусал за ноги людей, оказавшихся в воде, и вынуждал их к отступлению. В крокодила стреляли, его пытались поймать в сеть, клали ему отравленную приманку, но все было напрасно. Страж каучукового дерева оставался на своем месте. Суверенные индейцы решили, что это не крокодил даже, а какой-то бог, и что дерево — священное. Но американцы были другого мнения. Убедившись, что таких деревьев поблизости больше нет, и что только здесь можно взять пробу нового сорта,

они считали смешным бросать работу из-за крокодила и продолжали все с таким же успехом атаковать дерево.

В конце концов и им это затея надоела. Да и нельзя было рысковать так часто жизнью участников экспедиции. Тогда один из них предложил другой план. Он хотел издалека набросить на это не давшемуся им дерево веревку и попытаться сломать его. Сказано — сделано.

Дерево оказалось трухлявым и легко подалось, но когда его подтащили к другому, соседнему дереву, на котором сидели американцы, опять появился крокодил, с невероятной быстротой поднырнул из воды в воздух и, схватив зубами веревку, в одно мгновение перекусил ее. Все же Рислею удалось зацепить дерево топором и подтащить его. И тогда все увидели причину такого странного поведения — крокодила, беспокойшего в продолжение двух недель: в дереве между корнями оказалось очень большое дупло, такое, что там мог свободно поместиться крокодил, и в этом дупле лежало несколько пар крокодиловых яиц. Не подпуская людей к каучуковому дереву, крокодил защищал своей дом.

Ушел американцы делали надрезы на стволе и торопились взять хоть немного драгоценного сока для пробы, крокодил все время плавал около них и то-и-то высовывал из воды свою длинную морду...

На другой день экспедиция уезжала домой. Ее лодка, тяжело нагруженная образчиками каучукового сока, медленно двинулась по реке. Вдруг Рислей, все время беспокойно отбывавшийся по сторонам, в ожидании нападения крокодила, воскликнул:

— Смотрите, смотрите! Это он!

Все повернули головы. По середине реки плыло большое дерево. В нем без труда можно было узреть то каучуковое дерево, которое так нелегко досталось экспедиции. И на дереве неподвижно лежал огромный крокодил. Он не пожелал покинуть свой разоренный льдами дом и вместе с ним отправился в невольное путешествие по течению реки.

Посмотрев на крокодила в бинокль, Рислей сказал:

— Он очень зло на нас смотрит. И после этих слов гробы сильно прибавили ходу...

B. V.

УЧИТЕСЬ ДОМА

без помощи учителя
БУХГАЛТЕРИ
Преподавание ведется путем высылки списков, составленных уроков, задач, упражнений и докладов, разъяснений на запросы учащихся. Полная подготовка к службе в качестве бухгалтера или счетовода.
Порядок, сведения, высылка за 6-ю коп. марки.
Письма адресовать преподавателю коммерческого наук А.А. БУНИНУ, Ленинград, 22, Лактинская ул. 32/17.

„БЫСТРОСЧЕТ“

искусство производить в уме высчисления с быстротой высклки. Составил французский проф. И. Ринар. Цена за переп. 1 р. 30 коп. Адрес: Москва, ул. Герцена, 22/12. Книжки „Дело „Прогрессивное“

24 КНИГИ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ 24

по 2 книги в месяц, всего за год около 4,000 страниц.

УВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ РОМАНЫ: А. Дюма, Ч. Дикенса, В. Скотта,

Р. Хаггарда, Г. Эберса, В. Гюго и др. популярных авторов.

1 книгу известн. романиста

А.А. Фадеева „РАЗГРОМ“ 1

(около 300 стр.)

4 №№ „Женского Журн.“ 4

4 „Четыре Сезона“ 4

12 МНОГО РАСЧОНЫХ

12 КАРТОН 12

Должников РАСПРОЧНА:

При подписке—4 руб.

15 марта—3 руб. 50 к.

к 15 июня—3 руб. и к

15 сентября—2 руб.

КАНДЬЕ

всю год

в 1923 году

получить за

12 руб. 50 к.

подписавши

НА ГОД

НА ЖУРНАЛ

1 том (около 60 новых юмо-

ристических рассказов)

Ильч. ЗОЩЕНКО 1

12 №№ ЖУРНАЛА

12 „МУЗЫКА ДЛЯ ВСЕХ“ 12

12 книг литературно-худож-

ественного журнала 12

По 1-му абонементу (за 8 руб. в год) подписчики „30 ДНЕЙ“ получат все выше-

перечисленное за исключением „БИБЛИОТЕКИ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ“.

„ВОКРУГ СВЕТА“

путешествия и приключения

на море, суше и в воздухе.

Полный комплект журна-

ла за 1927 г. (12 №№—

около 200 стр. большого

формата) высылаются по

получению ОДНОГО рубля.

Отд. номера—по 10 коп.

Надлж. платеж. не высылаются

Заказы направлять в конто-

ртур журнала: Москва,

центр, Ильинка, 15, Акц.

Изд. О-во „ЗИФ“.

6Р. в год за ежем. журнал «Всем Следопыт» с прил. 24 №№ «Вокруг Света» (12 №№ «Всем Турист» и 12 мюнокр. табл. «Народы СССР» за границу жури. За перенос на 50 % по адресу — 20 кой.

Редакция и контора «Всемирного Следопыта» и «Вокруг Света»: Москва, Ильинка, 15.

Подписка на журнал «Всемирный Следопыт» (только со всеми приложениями, по Гили Набок.) принимается: в конторе журнала (Москва, центр, Ильинка, 15) и во всех почтовых отделениях, а также письмомоностами.

СОДЕРЖАНИЕ. Человек-амфибия. Научно-фантастический роман А. Беляева (продолжение). Предательский груз. Из жизни онгских воинов. Рассказ В. Белогова. — Мест Кондора. Рассказ В. Ситюра Кальдара. — Жюль Верн. К столетию со дня рождения. Очерк Я. Перельма (окончание). — Колониальный быт на марках. Углубок филателиста. — Путешествия и путешественник. — По светской земле.

Объявления в «Вокруг Света» принимаются в конторе журнала (Москва, центр, Ильинка, 15, тел. 3-82-20) по 2 р. за строку непрерывно по 2 р. за строку непонятно — скидка по согласию.

10Р. «Всем След.» с прилож. (сверх указанным) 3 р. «Всем След.» ДОЛЖ. СОВР. СОД. ЧЛОН. ЛОНДОНА

РАССОЧКА: при подписке — 3 р., к 15 мая — 3 р., к 15 июня — 2 р., к 15 сентября — 2 р.

ЧЕЛОВЕК — АМФИБИЯ

Научно-фантастический роман А. Беляева

(Продолжение)

Рисунки худ. А. Шипр

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ: В южной Америке, на побережье Атлантического океана, невдалеке от г. Бунос-Айреса появилось несомненное существо, наводившее страх на рыбаков и искателей жемчуга. Никто не видел этого существа, но слухи его ходили повсюду: кто резал рыбацкие сети, сбрасывая ночью рыбу с лодок и т. п. На прибрежном поске находили следы ступней с отпечатками когтей. Старые индейцы уверяли, что это — морской бог, выходящий раз в тысячелетие, чтобы возстановить поруганную справедливость. Инцы утверждали, что это «морской дьявол». Весть о «дьяволе» дошла до Бунос-Айреса. Береговая полиция и научная экспедиция собрали новые слухи, оставшиеся дьяволом, но его самого не встретили.

Однажды ночью на шхуне «Медуза», принадлежавшей промышленности — ловцу жемчуга испанцу Педро Зурита, важный индеец Балтавар услышал странный звук трубы, не похожий ни на один из знакомых ему звуков. Матросов охва-

тывает ужас, и они требуют, чтобы лодка жемчуга была перенесена в другое место.

Зурита пришлось подчиниться. На новом месте ныряльщик-индеец был достигнут акулой. Но в тот же момент появилось какое-то чудовище с огромными выпуклыми глазами, зачехленными лапами и рыбой серобристой чешуей; оно вспарывает акуле брюхо. Едва живой от страха, нарыльщик был извлечен из воды. Зурита не доверяет его рассказу. Однако, морской дьявол неожиданно появляется на поверхности воды, верхом на дельфине. «Дьявол» протрубил в длинную, витую раковину и крикнул на испанском языке, обращаясь к дельфину: «Скорей, Лининг, скорей!» Испуганные искатели жемчуга поднимают якорь, и шхуна поспешно уходит на север.

У Зурита возникает мысль: если «дьявол» может говорить по-испански, то он существо разумное. «Дьявол», видимо, может жить над водой и под водой. Если бы удалось поймать «дьявола» и приспособить его к ловле жемчуга, то можно нажить миллионы. И Зурита обдумывает план захвата «дьявола».

По заказу Зурита изготавляется особые сети из проволоки. «Дьявол» удается выслать и поймать в сеть. Но в последний момент он прорывает сеть и улетывает.

Зурита достает волдырные костюмы и спускается с Балтаваром на дно залива. Они находят пещеру, закрывающуюся в глубине железной решеткой. Новая загадка... Зурита решает направить поиски в иную сторону. Нет ли выхода из подводной пещеры на берег? Над заливом находится окруженная толстыми каменными стенами усадьба профессора Сальватора. Зурита находит справки и узнает, что профессор Сальватор хирург, прославившийся своими операциями. Он оставил профессору, уйдя в свою виллу, занимается научными исследованиями и лечит только индейцев, которые называют его богом и чудотворцем, воскрешающим мертвых. Зурита делает попытку проникнуть к Сальватору под видом больного, но его не впускают даже во двор. Тогда Зурита решает изменить план и действовать окольным путем.

V. Подаренная жизнь.

По пыльной дороге, вдоль тучных полей пшеницы, кукурузы и овса шел старый, изможденный индеец. Одежда его была изорвана. На руках он нес большого ребенка, прикрывая его от жгучих лучей солнца стареньким одеялом. Глаза ребенка были полузакрыты. На горле виднелась огромная опухоль. От времени до времени, когда старик оступался, ребенок хрипло стонал и приоткрывал веки, опущенные длинными, черными ресницами. Старик останавливался и заботливо дул в лицо ребенка, чтобы осветить его.

— Только бы довести живым! — прошептал старик, ускорив шаги.

Подойдя к железным воротам, индеец переложил ребенка на левую руку и ударил в железную калитку четыре раза.

Волчок в калитке приоткрылся, чей-то

глаз мелькнул в отверстие, заскрипели засовы, и калитка открылась.

Индеец робко переступил порог. Перед ним стоял одетый в белый халат старый негр с белыми курчавыми волосами.

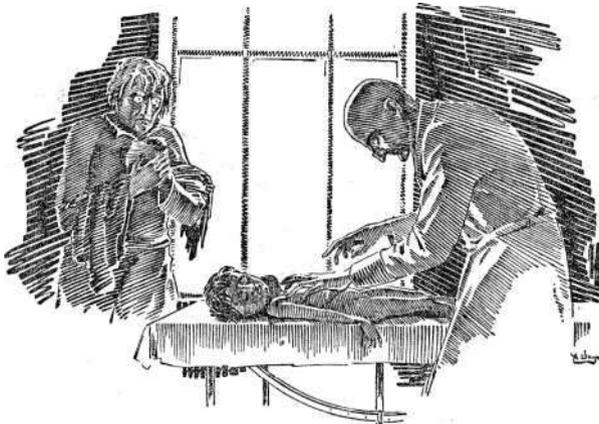
— К доктору... Ребенок больной, — сказал индеец.

Негр молча кивнул головой, запер дверь и махнул рукой.

Когда дошла очередь, негр в белом халате пошел к индейцу с ребенком и жестом пригласил его следовать за собой.

Индеец осмотрелся. Они находились на небольшом дворе, устланном широкими каменными плитами. Этот двор был обнесен с одной стороны высокой, наружной стеною, а с другой — стеною пониже, отгораживавшей двор от внутренней части усадьбы. Ни травы, ни кустика зелени, — настоящий тюремный двор. В углу двора, у ворот второй стены, стоял белый дом, с большими, широкими окнами. Возле дома на земле расположились несколько индейцев — мужчин и женщин. Некоторые из них были с детьми. Все они пришли сюда за исцелением.

Индеец вошел в большую комнату, с полом из каменных плит. Посреди комнаты стоял узкий, длинный стол, покрытый белой просты-

Сальватор начал прощупывать опухоль на горле ребенка. Его пальцы были необычайно подвижны и, казалось, могли гнуться в суставах не только вниз, но и вверх.

ней. Открылась вторая дверь, застекленная матовыми стеклами, и в комнату вошел доктор Сальватор, в белом халате, — высокий, широкоплечий, смуглый. За исключением черных бровей и ресниц, на голове Сальватора не было ни одного волоска. Он брил не только усы и бороду, но и волосы на голове. И брил, по-видимому, постоянно, так как кожа на голове была покрыта таким же загаром, как и лицо. Довольно большой нос с горбинкой, несколько выдающийся, острый подбородок и плотно сжатые губы придавали лицу жесткое и даже хищное выражение. Карие глаза смотрели холодно и с каким-то жадным любопытством. Индейцу стало не по себе под этим взглядом, который, казалось, пронизывал человека насквозь, прощупывал каждый мускул, каждый орган, врезался, как скальпель, анатомировал.

Индеец низко наклонился и протянул ребенка. Сальватор быстрыми, уверенными и в то же время осторожными движениями взял больную девочку из рук индейца, развернул тряпки, в которые был завернут ребенок, бросил их на руки индейца, положил девочку на стол и наклонился над нею. Он стал в профиль к индейцу. И индейцу вдруг показалось, что это не доктор, а кондор наклонился над горлицей... Еще минута, и кондор визжит кетто и острый клюв в маленькое тело...

Сальватор начал прощупывать пальцами опухоль на горле ребенка. Эти пальцы также поразили индейца. Они были длинные, но опухшие и красные от постоянного обмывания спиртом. Главное же — пальцы были необычайно подвижны. Казалось, они могли сгибаться в суставах не только вниз, но и вбок и даже вверх. Как будто руки Сальватора оканчивались двумя клубками красных змей, находившихся в постоянном движении. Далеко не робкий индеец напрягал все усилия, чтобы не поддаться чувству страха, который внушал этот необычайный человек.

— Прекрасно... Великолпно... — говорил Сальватор, как будто лобзая опухолью и перебирая ее пальцами, как опытный музыкант струны инструмента. Окончив осмотр, Сальватор повернул лицо к индейцу и сказал:

— Сейчас новолуние. Приходи через месяц, в новолуние, и ты получишь свою девочку здоровой. — И, ухватив ребенка, как коршун, он унес ее за стеклянную дверь, где помешались ванная и операционная.

А негр уже вводил в комнату новую пациентку — старую индейку в белом ногой.

Индеец низко поклонился стеклянной двери, закрывшейся за Сальватором, и вышел со смешанным чувством ужаса и преклонения перед доктором...

Ровно через двадцать восемь дней открылась та же стеклянная дверь, и навстречу индейцу выбежала девочка. Он схватил ее на руки, расцеловал осмотрел горло. От опухли не осталось следа. Только небольшой, едва заметный красноватый шрам напоминал об операции. Следом за девочкой вышел Сальватор. На этот раз лицо его не показало индейцу хищным. Доктор даже улыбнулся и, потрепав курчавую головку девочки, сказал:

— Ну, получай твою девочку. Ты во-время принес ее. Еще бы несколько часов, и даже я не в силах был бы вернуть ей жизнь.

Лицо старого индейца покрылось морщинами, губы задрожали, из глаз полились слезы. Прижимая ребенка к груди, индеец вдруг упал на колени перед Сальватором и прерывающимся от слез голосом сказал:

— Вы спасли жизнь моей внучке, а в ней и моя жизнь. Что может предложить вам в награду бедный индеец, кроме своей жизни?

Сальватор поднял брови.

— На что мне твоя жизнь?

— Я знаю, я стар, но я еще силен, — ответил индеец, не поднимаясь с пола. — Я отнесу внучку к матери — моей дочери — и вернусь к вам. Я хочу отдать вам весь остаток дней моих за то добро, которое вы мне сделали. Я буду служить вам, как преданная собака. Прощу вас, не откажите мне в этой милости.

Сальватор задумался. Он очень неохотно и осторожно брал новых людей. Хотя работа нашлась бы. Да и немало работы, — Джим не справляется в саду. Доктор предпочел бы негра, но и этот индеец кажется человеком подходящим.

— Ты даришь мне жизнь и прощис, как о милости, принять твой подарок. Хорошо. Будь по-твоему. Когда ты можешь притти?

— Еще не окончится первая четверть луны, как я буду здесь, — сказал индеец, целуя край халата Сальватора.

— Как твое имя?

— Мое?... Кристо, — Христофор.

— Ну, иди, Кристо. Я буду ждать тебя.

VI Сад чудес,

Когда Кристо явился через неделю, доктор Сальватор положил ему на плечо руку, сосредоточенно посмотрел в глаза и сказал:

— Слушай внимательно, Кристо. Я беру тебя на службу. Ты будешь получать готовый стол и хорошее жильеванье...

Кристо замахал руками.

— Мне ничего не надо, сеньор, только бы служить у вас,

Но Сальватор крепко сжал ему плечо, близко придвинул свое лицо к лицу индейца и продолжал:

— Молчи и слушай. Ты будешь обеспечен всем. Но я ставлю одно непременное условие. Ты должен молчать о всем, что увидишь здесь.

— О, сеньор! Скорее я отрежу свой язык и брошу его собакам, чем скажу хоть одно слово.

— Смотри же, чтобы с тобой не случилось такого несчастья, — загадочно сказал Сальватор. И, вызвав негра в белом халате, доктор сказал:

— Проводи его в сад и слай на руки Джиму.

Негр молча поклонился, вывел индейца из белого дома, в котором доктор обычно принимал больных, провел через знакомый уже Кристо двор и постучал в железную калитку второй стены.

Из-за стены послышался лай собак, калитка скрипнула и медленно открылась; негр втолкнул Кристо за калитку, что-то горланно крикнул другому негру, стоявшему за калиткой и ушел.

Кристо в испуге прижался к стене: с лаем, похожим на рев, к нему бежали огромные собаки красновато-желтого цвета, с темными пятнами. Если бы Кристо встретился с ними в пампасах, он ни на одну минуту не сомневался бы, что это ягуары. Но бежавшие к нему звери со шкурою ягуара лаiali по-собачьи. Однако, Кристо не было времени заниматься определением видов. Он бросился к соседнему дереву и начал взбираться по сукам с быстротой и ловкостью, которых нельзя было от него ожидать. В то же время негр зашипел на собак, как рассерженная кобра. Этот звук произвел на собак магическое действие. Они перестали лаять, легли на землю и положили головы на вытянутые лапы, искоса поглядывая на негра.

Негр опять зашипел, — на этот раз обращаясь к Кристо, сидевшему на дереве, и замахал руками, приглашая индейца слезать.

— Что ты шипишь, как змея? — сказал Кристо, не оставляя своего убежища. — Язык проглотил!

Негр сердито замычал и вновь замахал руками.

«Немой» — с удивлением подумал Кристо. И ему вспомнился разговор с Сальватором. Когда Кристо сказал, что готов отрезать себе язык, Сальватор ответил: «Смотри, чтобы с тобой не случилось такого несчастья». Что он хотел этим сказать? Неужели. Сальватор вырезает языки у слуг, которые выдают его тайны? Быть может, и у этого негра вырезан язык?... Кристо неудержимо захотелось бежать отсюда как можно скорее. Он даже измерял глазом расстояние, отлеявшее дерево, на котором он сидел, от стены. Нет, не перепрыгнуть... А негр подошел к дереву и, ухватив индейца за ногу, нетерпеливо дергал ее вниз.

Сад был наполнен всевозможными животными, с ветвей глядели необычайные гады, звери и птицы: собаки с кошачьими головами, гуси с петушиной головой, рогатые кабаны, страусу панда с клювами орлов, бараны с телом пумы; с дерева свисала змея с двумя, головами. Кристо в испуге отпрыгнул в сторону от этого зашипевшего пресмыкающегося....

Приходилось покориться участи. Кристо спрыгнул с дерева, собрал морщины с лица в самую любезную улыбку, которую только мог выжать на своем старом лице, протянул руку и дружески спросил:

— Джим?

Негр утвердительно кивнул головой.

— Кристо! — сказал индеец, стукнув себя по груди кулаком, и крепко пожал руку негра. «Уж если попал в ад, надо заручиться чортовой дружбой», — думал он и продолжал влук:

Ты немой?

Негр не ответил. Кристо высунул язык и чиркнул по нем пальцем.

— Языка нет?

Негр молчал попрежнему.

«Как бы заглянуть ему в рот?» — думалось Кристо. Но Джим, видимо, не намерен был вступать даже в мимический разговор. Он взял Кристо за руку, подвел к красно-рыжим зверям, что-то прошипел им. Звери поднялись, подошли к Кристо, обнюхали его и спокойно отошли. «Познакомились!» — у Кристо немножго отлегло от сердца.

Махнув рукой, Джим повел Кристо осматривать сад.

После унылого двора, уложенного камнями, этот сад поражал своей роскошью. Он шел, постепенно понижаясь, на восток, по направлению к берегу моря. Прекрасно содержимые дорожки, посыпанные красноватыми измельченными раковинами, расходились в разные стороны. У дороги были посажены причудливые кактусы и голубо-зеленые сочные агавы, поднимавшие, подобно канделябрам, метелки с бесчисленным множеством желтовато-зеленых цветов; целые роши персиковых и оливковых деревьев прикрывали своею тенью густую траву, в темной зелени которой пестрели яркие цветы. Как зеркала, сверкали среди зелени травы водоемы, выложенные по краям белыми камнями. Высокие фонтаны освежали воздух.

Сад был наполнен разногласными криками, пением и щебетанием птиц, ревом, писком и визгом животных.

Кристо переходил от удивления к ужасу. Никогда ему не приходилось видеть столь необычайных птиц и животных.

Вот, сверкая медно-зеленой чешуей, перебежала дорогу шестиногая ящерица. С дерева свисала змея с двумя головами. Кристо в испуге отпрыгнул в сторону от этого двухголового пресмыкающегося, зашипевшего на него двумя красными пастьми. Негр ответил змее более

громким шипением, и змея, помахав в воздухе головами; развернула кольца, сползла с дерева и скрылась в густые заросли тростника. Еще одна длинная змея уползла с дорожки при виде Кристо, цепляясь двумя лапками. За проволочной сеткой хрюкал поросенок. Он устался на Кристо единственным, большим глазом, сидевшим посреди лба. Пара лам промчалась по полюне, помахивая лошадиными хвостами. Из травы, из зарослей кустарников, с ветвей деревьев глядели на Кристо необычайные галы, звери и птицы, чудовищное соединение в одном теле разных видов животных. Собаки с кошачьими головами, гуси с петушиной головой, рогатые кабаны, страусы-пану с клювами орлов, бараны с телом пловца...

Кристо казалось, что он бредит, что его одолевают кошмары. Он противно глаза, мочил голову холодной водой фонтанов, но кошмары не исчезали. В водоемах он видел змей с рыбьей головой и жабрами, рыб с лягушечными лапами, огромных жаб с телом, длинным, как у ящерицы...

И Кристо вновь охватило желание бежать отсюда.

Как бы давая отдых его напряженным нервам, Джим вывел Кристо на широкую площадку, усыпанную золотистым песком. Посреди площадки, окруженная пальмами, стояла вилла из белого мрамора, выстроенная в мавританском стиле. Сквозь стволы пальм виднелись изящные арки. Медные фонтаны, в виде дельфинов, выбрасывали каскады воды в прозрачные водоемы, с резвящимися в них золотыми рыбками. Самый большой фонтан перед главным входом изображал прекрасного юношу, сидящего, подобно мифическому тритону 1), на дельфине, с витым рогом у рта. Эта группа, созданная руками хорошего художника, поражала своей живостью, стремительностью застывших в меди движений юности и дельфина.

За villой находилось несколько каменных построек — дома для слуг и амбаров, — а дальше шли густые заросли колючих кактусов, доходившие до белой стены.

«Опять стена!» — подумал Кристо.

Джим ввел индейца в небольшую, прохладную комнату, жестами объяснял, что эта комната предоставляется ему, и удалился, оставив Кристо в состоянии полного обалдения.

¹⁾ Тритон — в греческой мифологии — сын Посейдона (бога моря); часто изображался в виде человека, сидящего с витой раковиной в руке на дельфине.

VII. За третьей стеной.

С течением времени Кристо привыкал к тому необычному миру, который окружал его. Все звери, птицы и галы, наполнявшие сад, были хорошо приручены. С некоторыми из них у Кристо завязалась даже дружба. Собаки со шкурой ягуара, так напугавшие его в первый день, ходили за ним по пятам, лизали ему руки, ласкались. Ламы брали у него хлеб из рук. Попугаи слетали на плечо.

За садом и зверями ухаживали двенадцать негров, таких же молчаливых или глухих, как и Джим. Кристо никогда не слышал, чтобы они разговаривали даже друг с другом. Каждый молча делал свою работу. Джим был чем-то вроде управляющего. Он наблюдал за неграми и распределял их обязанности. А Кристо, к его собственному удивлению, был назначен помощником Джима. Работы у Кристо было не так уж много, кормили его хорошо. И он не мог жаловаться на свою жизнь. Одно его беспокоило — это зловещее молчание негров. Мысль, что Сальватор отрезал всем им языки, не оставляла Кристо. И когда Сальватор изредка вызывал Кристо к себе, у бедного индейца всякий раз холодело сердце: «язык резать!» — думал он.

Впрочем, Кристо вскоре несколько успокоился за целостность своего языка. Старый Джим очень любил опьяняющий напиток — пульэк, который он сам добывал из сахарного сока агавы 2), подвергая его брожению. Однажды Джим, после хорошей порции пульэка, уснул в тени оливковых деревьев. Он лежал на спине, раскрыв рот. Кристо воспользовался этим, осторожно раскрыв сучком рот спящего еще шире, и убедился, что язык старого негра находится на месте.

День Сальватора, как и всех, работавших у него, был строго распределен. От семи до девяти утра доктор принимал больных индейцев, с девяти до одиннадцати оперировал, а затем уходил к себе в виллу и занимался там в лаборатории. Кристо, приглашаемый иногда для уборки в доме, поражался роскошью и великолепием огромных мавританских

²⁾ Агава — растение из семейства амариллисовых с мясистыми, большей частью колючими, листьями, расположенными розеткой. Род агавы содержит до 50 видов (Южная Америка, Мексика и южная часть С. Америки). Из корней добывается лекарство, листья идут в пищу (морковь) и на кровлю. Из сока листьев добывается опьяняющий напиток.

зал, с фонтанами среди пола, устланного у стен дорогими коврами. Но его больше удивили Кристо лаборатории. Скорее их можно было назвать музеем. Питаемые физиологическим раствором, там пульсировали сердца людей и животных. Отрезанные руки и ноги продолжали жизнь, искусственно поддерживаемую. Иногда эти живые отрезки тела заболели, и Сальватор лечил их, восстанавливал угасавшую жизнь. Однажды Кристо был перепуган трупом мальчика-индейца. Это тело, Лишенное сердца и сознания, продолжало жить. Мало того, — когда Сальватор пропустил сквозь труп электрический ток, — руки и ноги трупа судорожно подергивались.

На Кристо все эти шевелящиеся покойники нагоняли тоску. Он пред-

почитал находиться среди живых уродов в саду.

Несмотря на все большее доверие, которое Сальватор оказывал индейцу, для него было запретным то, что творилось за третьей стеной. А между тем, это очень интересовало его. Подходя в полдень, когда все отдыхали, к высокой стене, Кристо слышал доносившиеся из-за стены детские голоса. И что особенно удивляло его, он улавливал индейские слова. Иногда в детские голоса вмешивались чьи-то еще более, тонкие, визжащие и как будто спорящие с детьми на каком-то непонятном наречии.

Наконец, случай помог Кристо проникнуть и за эту загадочную третью стену.

Однажды Сальватор встретил Кристо в саду, подошел к нему и, глядя пронизывающе прямо в глаза, сказал.

— Ты уже месяц работаешь у меня, Кристо, и я доволен тобой. В нижнем саду заболел один из моих служащих. Ты заменишь его. Ты увидишь новые вещи. Но помни наш уговор: крепко держи язык за зубами, чтобы не потерять его...

— Я уже почти разучился говорить среди ваших немых слуг, сеньор, — ответил Кристо.

— Тем лучше. Молчание — золото. Чем крепче ты будешь молчать, тем больше ты получишь золотых

пезо. Я налеюсь через две недели поставить на ноги моего больного слугу. А потом... Кстати, ты хорошо знаешь Анды? 1).

— Я родился в городе, сеньор.

— Тем лучше. Мне нужно будет пополнить мой зверинец новыми животными и птицами. Я возьму тебя с собой. А теперь иди. Джим проводит тебя в нижний сад.

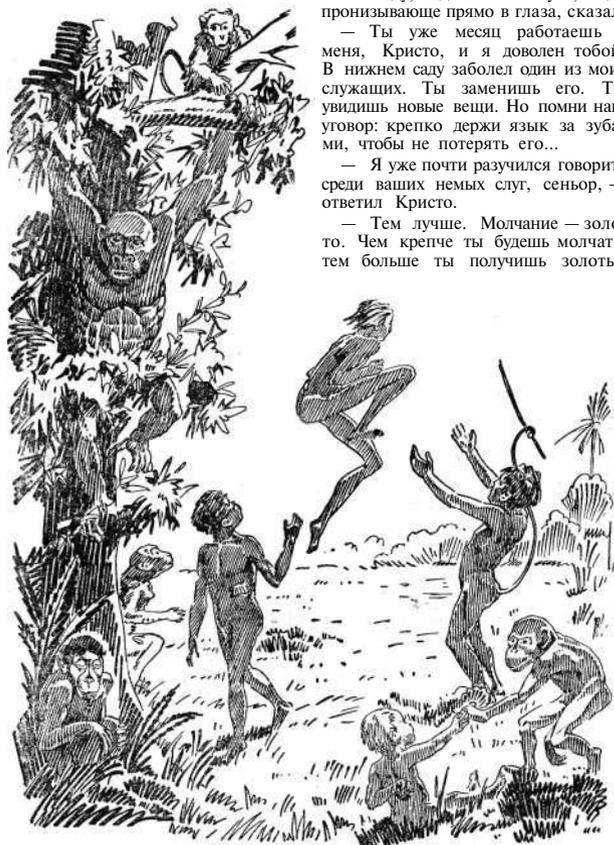
Кристо уже привык к неожиданностям. Но то, что он увидел в нижнем саду, еще раз парализовало его своей необычайностью.

На большом, освещенном солнцем лугу резвились обезьяны и голые дети. Все дети, как заметил Кристо, принадлежали к различным индейским племенам. Среди них были и совсем маленькие, не более трех лет, и двенадцати - тринадцатилетние подростки. Каждый из них обладал какой-нибудь странной особенностью. У одних имелись длинные обезьяньи хвосты. Хвостатые дети прекрасно владели этим придатком: они оттягивали хвостом мух, пускали его в ход, как плеть, во время драки закручивали хвост кольцом, убегая друг от друга.

У нескольких детей ноги и руки были как будто выворочены в суставах. Эти дети могли сгибать руки в локте в любом направлении и вертеть руку в локтевом суставе с той же подвижностью, как и кистью руки. Иные могли заворачивать голову и ноги в обратную сторону и бежать с одинаковой скоростью как вперед, так и назад, не поворачивая туловища. Наконец, были дети с необычайно развитыми ногами. Они делали, без разбега, гигантские прыжки, не менее двух с половиной метров высоты и четырех метров длины. Все эти странные дети прятали свои незамысловатые игрушки — цветные камушки и раковины — в карманы, имевшиеся в их собственной коже на боку и груди. Кристо заметил, что у одного ребенка кожа левой ноги была значительно более правой.

Не менее странными существами были и обезьяны. Если некоторые дети обладали хвостами, то многие обезьяны, наоборот, были лишены этого украшения. У большинства обезьян на теле совершенно не было шерсти. Их гладкие тела отличались только различной окраской кожи. И Кристо не мог определить, — были ли это действительно обезьяны, или люди.

Удивительнее же всего было то, что все эти обезьяны, — одни лучше, другие хуже, — умели говорить. Они-

На большом, освещенном солнцем лугу резвились обезьяны и голые дети. Каждый из них обладал какой-нибудь странной особенностью...

1) Горячая цепь Южной Америки.

то и вступали с детьми в споры, бранились визжащими тонкими голосами. Но, в общем, они мирно уживались с детьми и сорились с ними не больше, чем дети между собой.

«Если негры молчат, как рыбы, то каждая обезьяна здесь говорит за троих» — размышлял индеец.

Кристо обошел весь сад. Он был меньше, чем верхний, и еще более спускался по направлению к заливу, упираясь в отвесную, как стена, скалу.

Море было недалеко за этой стеной: сюда долетали звуки морского прибойя.

Обследовав через несколько дней эту скалу, Кристо убедился в том, что она искусственная. Четвертая стена охраняла какую-то новую тайну Сальватора. В густых зарослях глициний Кристо обнаружил низкую железную дверь, выкрашенную под серый цвет скал, совершенно сливавшийся с ними.

Кристо прислушался. Но, кроме шума прибойя, он ничего не слышал. Что находится за этой скалой? Куда ведет эта узкая дверь? На берег моря?..

Крик детей прервал мысли Кристо.

(Продолжение в след. №).

ПРЕДАТЕЛЬСКИЙ ГРУЗ

Из жизни онежских водников

Рассказ В. Белоусова

Осенью, на Покров, рано поутру с Климецкого острова из Сенной Губы уходила сойма¹⁾.

Узкие проливы, по которым она несется пробиралась, кутались еще в серебристый онежский туман. За кормой соймы над туманом висела гряда далеких лесистых гор. До них было далеко—верст сорок, а может быть и больше, но утренний туман приблизил их, и они нависли над самыми Кижскими островами, между которыми шла сойма.

Было свежо. Уже недели две как потягивал потихоньку зимник, и с каждым днем на Онеге становилось все холодней и холодней. Как будто ветер приносил зиму по маленьким кусочкам и кусочками оставил ее здесь. Скоро должно было накопиться таких кусочков много, и тогда от берегов, с тихих губ и заливов медленно, исподволь надвинется на озеро лед и на много месяцев нагладко заколотит его своей крепкой, гладкой доской.

Дети, крича, с веселым испугом, смотрели на небо. Кристо поднял голову и увидел небольшой красный детский шар, летевший через сад. Ветер отнес шар в сторону моря.

Этот шар почему-то очень взволновал Кристо. Он начал беспокоиться. И как только выздоровевший слуга вернулся, Кристо отправился к Сальватору и сказал ему: — Сеньор, мы скоро поем на Анды, быть может надолго. Разрешите мне повидаться с внучкой...

Сальватор нахмурился. Он не любил, когда его слушание уходило со двора, и потому предпочитал иметь одиноких. Кристо молчаливо выжидал, с преданностью собаки глядя в глаза Сальватора.

А Сальватор, как бы гипнотизируя Кристо взглядом, в третий раз сказал ему:

— Помни наш уговор. Береги язык. Иди. Возвращайся не позже, как через три дня. Подожди!.. — Сальватор удалился в другую комнату и вынес оттуда увесистый замшевый мешочек, в котором позванивали золотые пезо.

— Вот твоя внучка. И тебе... за молчание.

Но никогда сразу не сдается озеро. Большие бури случаются на нем осенью, и тогда не раз приходится льду разбитым и разломанным торопливо скрываться до поры до времени опять в тихие далекие губы и в узкие Кижские проливы.

Когда туман откидывался ветром, видно было разорванное лютное небо, и это «дырявое», как говорят онежцы, небо было знаком того, что уже подходило время начать озеру свою жестокую борьбу с зимой и со льдом...

Зимник наткнулся на мелкие островки, на скалы шхер, рвался ими на ключья, дул неровно и то вдруг пышно вздувал поднятые паруса соймы, то, ослабнув, бил ими по мачтам, как будто стучался куда-то настойчиво и сердито.

По берегам редко светились огоньки деревень...

На оиме уходили из Сенной Губы двое молодых братьев Корольевых: Афанасий и Николай. Оба они были высокие, крахмистые, белокурые малые, лихие забияки—лучшие кулачные бойцы на всю волость и такие

же лихие соймщики, никогда не трусившие перед гневным Онежским озером.

Сойма принадлежала купцу Толстопятову. Он был тяжелей, жесткий человек, ради наживы способный на всякие нечестные дела. Соймы²⁾ его то и дело попадались с запрещенными, а то и попросту ворованными грузами, но, пользуясь тем, что Заонежье — край глухой, он всегда умел очень ловко спрятать концы в воду и благополучно выкрутиться.

Последнее время он особенно разошелся и, не стесняясь, кругом обманывал людей и Закон. Соймы его обычно грузились в глухих местах, по ночам, так же таинственно разгружались, и соймщиков он подбирал себе поотчаянней, часто прямо из воровского сословия. Они не прочь были заняться подчас даже озерным паританьем.

Поэтому в Сенной Губе все были удивлены тем, что на толстопятовской сойме пошли такие честные парни, как Корольевы. Однако, все объяснялось просто.

Нагрузив неизвестно чем и неизвестно где сойму, прежние соймщики Толстопятова вдруг почему-то забастовали и отказались выйти в озеро. Толстопятову же, видимо, нужно было отправить сойму как можно скорей и, не сумев сразу найти кого-нибудь из своих обычных молодцов, пришел к Корольевым и предложил им плату вдове больше обыкновенной за то, чтобы те ответили его судно в Вытегру.

У Корольевых летом сторел сарай с телогой, сохой и двумя лошадыми, им дозарезу нужны были деньги, и, как ни противен был им ТОЛСТОПЯТОВЕ, они согласились. На вопрос, чем грузена сойма, Толстопятов ответил: «Овощем». Корольевы ему не поверили, но решили, что от одной путины на толстопятовской сойме еще не случится с ними несчастья.

Все же уходили они в озеро с тяжелым сердцем. Перебравшись еще ночью с берега на сойму, они хотели было посмотреть, каким «овощем» грузено судно, но на трюме оказался тяжелый крепкий замок. Это было нехорошо—никогда не запирают купцы от соймщиков своих товаров—и это сильно обеспокоило Корольевых. Помимо воли лезли в голову всякие неприятные мысли о Толстопятове, о его темных делах, о жутких слухах, ходивших о нем по Онеге, и Корольевы даже по палубе соймы передвигались опасливо, чего-то сторонясь, как будто сама сойма могла их замарать грязью нечестных дел купца Толстопятова. И не раз

1) Сойма—небольшое парусное тридцатитонное судно.

шевелилась в головах соймщиков мысль, что не зря ли они так легко согласились на предложение купца.

Сойма шла быстро, и скоро выбежала из проливов на простор Большого Онего. Ночь была очень темная, и такое же темное было озеро. Казалось, часть ночи густо разворовалась в нем, только изредка слабо вспыхивали в темноте белые гребешки волн.

Зимник в открытом озере дул ровню, сильно и холодно. Большие волны ходили под ним. Сойма, подхваченная ими, заскрипела, напрялась и, накренившись на правый борт, понеслась с волны на волну, лихо взлетая на их гребни и ныряя в провалы между ними; под ее туповатым носом озеро взрывалось тысячами мелких шипящих брызг, которые вместе с ветром быстро улетали куда-то в сторону, в тьму.

Чем дальше уходили в озеро, тем сильнее становился ветер и тем свирепей качали волны сойму, но первый час шли по озеру хорошо. Сойма легко выдерживала ветер и волны и точно слушалась руля. Афанасий стоял у штурвала.

«Доброе судно!» — думал он, когда на минуту забывал, что сойма принадлежит ненавистному Толстопятову.

Однако, онежская примета — «дырявое небо» — начала сбываться,

Как раз к восходу солнца, когда рассвет, казалось, уже окончательно вступил в свои права и волны из черных сделались темно-серыми — очень холодными на вид, — на озере вдруг снова стало темно. Облака густели, и все чаще и чаще белой пеной взвихривались над палубой соймы высокие водяные холмы и обрушивались на нее с таким шумом, как будто кто-то ударял по палубе большущей мокрой ладонью.

Уже не стало правильного крена у соймы ветер клал ее то на один, то на другой борт и заставлял то, дрожа и напрягаясь, карабкаться носом прямо в небо, то разом проваливаться куда-то в темную кипящую бездну.

По-новому загудел ветер в мачтах, по-новому зашипели брызги под бортами и как будто кто-то с силой потянул сойму за нос вперед она все быстрее и быстрее неслась в открытое озеро.

Афанасий пошире уперся ногами в палубу, обхватив рвущийся из рук штурвал:

— Держись, браток!

Нудных мыслей о Толстопятове как не бывало. Николай, встряхнувшись, вскочил с палубы и бросился

убирать топселя, чтобы буря, налетев как-нибудь невзначай, не перевернула их маленького судна. Наступали трудные часы.

Буря несла с собой сильный холод. Пошел дождь. Волны катились теперь через палубу одна за другой, взрывались под бортами холодными фонтанами и то и дело с ног до головы окутывали соймщиков. У обоих скоро промокли кожанки. Вода пробиралась за шиворот, очень холодно и шекотно ползла по спине, хлопала в сапогах.

На обязанности Николая лежало управление парусами. Он бегал по палубе от мачты к мачте, от фока к гроту и обратно, скрипел блоками, наскоро крепили паруса, а через минуту уже должен был их отпускать. У него болели руки, расцарапанные до крови веревками. А в это время палуба под ним делала отчаяннейшие прыжки из стороны в сторону, как будто хотела сбросить с себя в воду все, что было на ней.

Николай часто падал, катился к борту и каждый раз при этом мелькала у него в голове одна и та же мысль:

«Ну, смыло!»

Но, изловившись, он ухитрялся схватиться за веревку или прямо за неровную обшивку судна и, вскочив, опрометью бежал к мачтам, чтобы наверстать потерянное время.

Афанасий крепко держал сойму в полветра и думал только, плотна ли обшивка у судна, не наберет Ли оно воды через палубу, не отяжелет ли, а тогда трудно будет бороться с бурей.

Страшный шум и какое-то злое змеиное шипение разыгравшегося озера стояли кругом. Когда набегала на сойму особенно большая волна, оба брата в один голос вскрикивали, не слыша друг друга:

— Держись, ух!

И цеплялись за что попало. А ветер и волны пытались в этот момент как-то косо скрутить сойму, и она глубоко и упруго выгибалась под их ударами, часто черная бортами воду.

На носу соймы лежал свернутый брезент. Его забыли во-время привязать и он ползал и катился по палубе, путался в ногах и мешал Николаю работать. Николай хотел его прикрепить, но сделать это ему не удалось: налетевший порыв ветра вырвал брезент из рук соймщика и, хлеснув Николаю по лицу, уволок брезент за борт в озеро.

Скоро буря усилилась настолько, что пришлось зарифить¹⁾ все паруса...

1) Зарифить паруса (взять рифы) — означает уменьшить площадь отдельных парусов.

С левого борта ринулась на сойму гигантская волна... В трюме послышался сильный взрыв, и густой пар с хлопотанием вырвался из-под палубы...

* * *

В самый разгар бури, когда часто озеро, вскинувшись, совсем закрывало сойму и люди на ней оказывались стоящими по колено в ледяной воде, Афанасий вдруг заметил, что ноги его с некоторого времени стали согреваться. Это было удивительно, тем более, что сам он весь сильно промерз, а руки заоченели настолько, что еле удерживали руль. О причине такого странного явления Афанасию некогда было подумать: буря отнимала слишком много сил, но все же как-то наполвину бесознательно он этому сильно удивлялся.

Удивлялся он еще и тому, что Николай, все время так смело рабобатывший с парусами, стал вдруг ползать по палубе на четвереньках, как будто боялся ходить по ней во весь рост. А между тем, зевать было нельзя. За минуту промедления буря могла жестоко наказать.

Афанасий стал кричать брату, но тот не слышал.

Неожиданно резкий крен соймы заставил Афанасия опуститься на палубу на колени. И тут с еще большим удивлением он почувствовал, что доски у него под коленями теплые.

Это было очень приятно—в такую стужу, в такой режущий холодом ветер прикоснуться к чему-то теплomu, но это было совершенно необъяснимо: доски непрестанно оказываются холодной, как лед, водой и вдруг они—теплые.

Но не успел Афанасий сообразить, в чем дело, как на него, загрохотав чем-то в темноте, на четвереньках вдруг накатился с носа его брат и, ухватившись за стойку штурвала, поднялся перед ним. Над компасом под стеклом горела свеча, и эта свеча теперь сбоку осветила лицо Николая. Оно выражало крайний испуг: растерянные широкие глаза, удивленно-раскрытый рот, и через него пузырями прорывается короткое хрипелое дыхание.

Афанасию на мгновение показалось, что перед ним вдруг встало жуткое, ревущее, перекошенное лицо самой бури,—до того страшно было лицо Николая. Но он снова понял, что перед ним стоит его брат, и тогда самые худшие догадки промелькнули у него в голове.

Такой странно-далекий и слабый донос до него сквозил бурю крик: — Браток... погибам!..

В руках Афанасия вздрогнул штурвал. Сойма дернулась куда-то далеко в сторону, и на мгновение осо-

бенно явственно застучал по ее палубе дождь. Афанасий, приушрившись, впился глазами в лицо брата: Откуда-то из груди ползла к горлу скверная тошнота.

И снова крик:

— Под фоком... доски дымятся... Жар по всей обшивке иде-е-ет!

Самые неожиданные предположения о случившемся разом всплыли в голове Афанасия, спутались в клубок и бешено завертелись, переплетаясь и перекручиваясь друг с другом.

«Жар по обшивке... Доски дымятся»—мелькало у него в мозгу, в то время как руки его судорожно цеплялись за штурвал, как будто в нем было единственное спасение.

Сомневаться было нельзя: в трюме, под палубой, горит груз, горит «овош» купца Толстопятова. О, чорт, что же они везут на этой дьявольской сойме! И отчего мог вспыхнуть пожар?! От качки, от тряски?

И в упор, в лицо Николая, все продолжавшее растерянно смотреть на него, истонно заорал:

— Палубу руби! Ломай доски, воды надо лить, воды! Да скорей ты...

И неожиданно для себя длинно выругался.

Второй раз повторять приказание не пришлось.

Николай бегом бросился в каюту, схватил там топор и, выскочив наверх, принялся сумасшедше рубить палубу над трюмом. Топор со страшной быстротой взметывался в воздух, глубоко вонзался в обшивочные доски, и большие мокрые щепки летели из-под него во все стороны. Провиб порядочную дыру, Николай подцепил топором доску и всей своей тяжестью надавил на топорщце. Доска выгнулась и со скрипучим треском выскочила из своего гнезда. Из образовавшегося отверстия валил не то пар, не то дым, очень горячий и душистый. Николай хотел зачерпнуть ведром воды и вылить ее в трюм, но ему не пришлось этого сделать.

С левого борта ринулась на сойму гигантская волна и сокрушительным потоком пронеслась по палубе. Много воды хлынуло в трюм через отверстие. И тогда случилось совершенно неожиданное.

В трюме послышался сильный взрыв. По звуку он был такой, как будто там вспыхнул вдруг громадный котел каши, и сейчас же из-под палубы вырвался с адским шипением и свистом огромный пузырь пара и моментально окупал горячей влажностью всю сойму.

Обалдевший, ошаренный, Николай, бросив топор, кубарем покатился по

палубе подальше от опасной дыры. В трюм все продолжала литься вода, и взрывы следовали друг за другом, сливаясь в одно оглушительное хлокочанье чего-то горячего, расплавленного. Сильным жаром вырвется обдало через обшивку соймы.

Большое присутствие духа нужно было иметь Афанасию, чтобы не выпустить при виде этого штурвал. Струя пара достигла его и сильно ошпарила ему лицо. Он инстинктивно спрятался за стойку штурвала.

Когда он оправился от ожога, то первой его мыслью было, что в трюме лежит какое-то взрывчатое вещество и что сейчас они вместе с соймой взлетят на воздух. Но время шло, а, кроме густого пара, хлокочанья и сильного жара, ничего не появлялось из отверстия в палубе.

Тогда, все так же продолжая крепко держать сойму в полветра, Афанасий стиснув зубы, напряг свое мышление, чтобы понять и объяснить, что происходило на сойме. Все дело было в грузе. Но какой же это груз, который кипит с такими взрывами и так нагревается, когда на него пошла вода? С молниеносной быстротой Афанасий мысленно перебрал все грузы, все товары, которые когда-либо возились или возятся на сойме, но ничего подходящего он долго не мог вспомнить.

И только, когда в носовой части судна вдруг, шелкнув, как газовая горелка, вспыхнуло маленькое красное пламя и сейчас же погасло, залитое брызгами волн, у Афанасия в памяти возник тот случай, про который когда-то рассказывал ему отец: где-то, не то на Онего, не то на Белом море, сторепо судно из-за того, что оно сильно начерпало воды во время бури. Это судно было гружено... гружено... чем?!

Внезапно короткое слово прорезало мозг Афанасия. И против воли оно с сумасшедшей силой рванулось из горла, рванулось, как призыв о помощи, как последний, отчаянный крик. И это короткое слово было: — Известь!!

Да, теперь все было ясно. Толстопятовская сойма везла известь, негаженую известь—то, что давно запрещено было возить на маленьких судах по озеру, потому что слишком много видели несчастий от этого опасного груза онежские водники.

От воды, проникающей в бурю через не совсем плотную обшивку палубы, негаженная известь начинает гаситься, и тогда образуется очень много водяных паров, а, главное, известь так сильно нагревается; что, если ее в трюме было много и туда

попало большое количество воды, сойма должна неминуемо сгореть.

Все это, конечно, знал купец Толстопятов. Но он знал также, что доставка обожженной извести по воде на собственной сойме с Климецкого острова в Вытегру стоит в четыре раза дешевле, чем сухим путем, на лошадах. А большие казенные баржи совсем не ходили в Вытегру, и невыгодно было нанимать их рали нескольких тонн извести.

В рискованную игру играл Толстопятов, но такой игрой держался он

На озере уже рассвело. И в рассвете небо было зловеще: алые, темно-синие и черные полосы ходили по нему, и такими же мрачными красками отсвечивало под ними свинцовое буйствующее озеро. Ни сзади, ни спереди, ни слева берегов не было видно — с этих трех сторон ярость озера сливалась с мрачностью неба, и там нечего было искать спасения. Берег был виден только справа. Вернее, даже не виден — он только угадывался в тусклой туманной полосе, спрятавшейся за бурю. Но он был

Только этот крик заставил опомниться Николая, который все еще обалдело продолжал смотреть на извергающийся из-под палубы пар. Он кинулся к мачтам, и через минуту сойма, окрыленная всеми своими парусами, уже бешено неслась по озеру, перегоняя волны, к далекому берегу.

Это была чудовищная езда...

Из-под палубы через дыру неслось дикое клокотание, валили клубы раскаленного пара, и фонтаном летели брызги кипящей известковой воды. Сильные взрывы то и дело потрясали сойму.

В отверстие все продолжала падать вода, и его необходимо было закрыть, чтобы отсечь пожар на судне. Но брезент был смыт бурей. Можно было только положить из прежнего место вынутую доску.

Николай Королев долго ползал с доской кругом отверстия, но никак не мог к нему подойти близко: пар и горячие брызги обжигали лицо, руки и заставляли, пригнувшись к палубе, отползти в сторону. Наконец, соймщику все же удалось ввинтить в гнездо доску. Но она лежала там недолго: пар с грохотом и свистом вытолкнул ее и отбросил на другой конец палубы.

Афанасий не мог отпустить руль, чтобы помочь брату, и опасное отверстие пришлось оставить в покое. С того момента до самого конца сойма была клокоющим вулканом, с кратером в палубе, и этот вулкан грозил каждую минуту вспыхнуть. Если было в то время где-нибудь неподалеку на озере другое судно, оно, наверное, приняло толстопятовскую сойму за парход и столб пара над ней — за дым.

Время тянулось невыносимо медленно. Полоса берега оставалась все такой же далекой, и были секунды, когда у Королевых являлась мысль, что и нет никакого берега, что они мчатся куда-то в открытое море и спасения им не будет...

Палуба нагревалась все жарче и жарче. Она жгла уже через толстые подошвы сапог, и Королевы, которые оба теперь стояли у штурвала, бросили себе под ноги меховые шапки и встали на них.

Пару тесно было выходить через одно узкое отверстие. Он скапливался под палубой, искал себе новых выходов, корабль обшивку, выгибал доски и то там, то здесь вставал вдруг над палубой тонкими, упругими и пронзительно свистящими струйками.

И так же по всей палубе вспыхивали маленькие язычки огня, быстро перебегали с места на место и, за-

Ударившись о скалу, сойма разом вспыхнула высоким, крепким пламенем... Два человека в загоревшей одежде бросились с палубы в воду...

всю свою купеческую жизнь. И уж теперь вряд ли удастся ему выкрутиться, как это удавалось ему много раз прежде: давно плачут по нем крепкие стены.

Но какая бы ни постигла в будущем купца Толстопятова кара, спастись Королевым все-таки как-то надо было.

Когда первый испуг прошел, Афанасий сообразил, что единственно, что остается им делать, это бежать как можно скорей к ближайшему берегу и выброситься на него. От того, как скоро они достигнут берега, зависела их жизнь.

ближайшим берегом и лежал по ветру.

Повинуясь сразу возникшему решению, Афанасий одним коротким движением штурвала круто повернул сойму направо, к берегу. Паруса, поставленные на полветра, задержались, захлестали по реям, вместе с ними задержались веревки, удерживавшие их, грозя лопнуть.

— Ставь паруса! Топселя!) подними! — кричал Афанасий. — На всех пойдём!

*) Топселя — косые верхние паруса; бывают треугольные и четырехугольные (рейковые).

литые волнами, гасли. В этих пока еще маленьких язычках чувствовалась большая сила. Чувствовалось, что они могут разом вспыхнуть по всему судну и разом его сожрать.

Сойма летела по озеру; с быстротой бури, Под ударами ветра гнулись и трещали мачты, натягивались до последнего предела паруса и ванты. За кормой соймы росли рябые водяные холмы, гнались по пятам, сердито харкали вдогонку злой пенистой слюной и, не догнав сойму, с ворчанием и шипением проваливались куда-то вглубь, а на их место росли новые такие же холмы,

Королевы не говорили между собой. Если бы и захотели, они не могли бы говорить: вой бури, сливаясь со взрывами и хлокотанием на сойме, окружал их грохотом и ревом, способными оглушить самые крепкие уши. Афанасий и Николай только судорожно сжимали ручки штурвала и немигающими от ужаса глазами смотрели сквозь пар, засти-

лавший все перед ними, вперед, туда, где должен был быть берег.

И этот берег пришел сразу. На мгновение ветер откинул в сторону пар, перед самым носом соймы вдруг выросла большая нависшая коричневая скала, и в тот же момент сойма со всей скоростью своего бега налетела на нее.

Оборвав такелаж, рухнула на нос тяжелая грот-мачта, подминала под себя фок¹⁾. С кормы хлынула на судно большая волна, и, когда она откатилась обратно, вся сойма разом вспыхнула высоким, крепким факелом.

Два человека в загоревшей одежде бросились с палубы в воду, и в момент полета они были похожи на большие горящие головни...

...Когда к вечеру сойма догорела, собрались окрестные жители нашли среди ее остатков два обуглившихся трупа: бурия выбросила Королевых на берег, но, ошеломив ударом о камни, не позволила им отползти от горящего судна...

МЕСТЬ КОНДОРА

Рассказ Вентура Гарсии Кальдерона²⁾

Никогда мне не удалось разбудить индейца пинком. Один человек хотел обучить меня этому трудному искусству в одном из портов Перу— это был капитан Гонзалес, у которого была такая прекрасная плеть с золотым набалдашником и кусочком свища на кончике.

— Скотина! — ревел капитан, закручивая штопором чудовищные усы. — Все они одинаковы, эти негодяи! Я приказал ему³⁾ седлать лошадей в пять часов утра, и, посмотрите, в семь часов он еще спит, эта свинья! А мне непременно надо быть в Хуаресе через два дня!

Индеец спел одетый под открытым небом, положив голову на старое седло. При первом же пинке он приподнялся, потягиваясь. Никогда я не мог понять, как смотрят на нас эти люди, когда их наказывают: с неволей или с покорностью? Но так как он немного медлил вернуться в мир своей ежедневной муки, то храбрый вояка хлеснул его плетью по голове. Индеец и я — мы оба привскочили. Он — потому что кровь катилась у него по лицу, как слезы, я — потому что был полон сентиментальных предрассуд-

ков, свойственных студенту. Я держал руку энергичного капитана, и поэтому несчастный избег вторичного кровопогасания.

— Гром господень! — повторял плач, смотря на меня строгими глазами. — С ними вот так надо обращаться, с этими дикарями! Вы этого не знаете, доктор!

Капитан Гонзалес пожаловал меня этой ученой степенью, заметив мои блестящие сапоги, мой совершенно новый пончо⁴⁾, еще не обтрепанный ветром, и мое искреннее сострадание к индейцу. Еще накануне, когда он у меня выиграл в белной портовой харчевне пять перуанских фунтов в жакэ⁵⁾, он усыновил меня с отеческой улыбкой.

— Мы поедем с вами вместе до Хуареса, милейший доктор. И вы увидите, как забавно будет с этим олухом, с этим, плутом-индейцем, у которого в каждой хижине по знакомой кумушке. Он служил у меня в прошлом году, а теперь мой друг, префект полиции, послал мне его в качестве вестового. Он страшно боится этой «штучки»!

Он принудил меня полюбоваться, с каким необычайным искусством была сплетена из камыша эта «штуч-

ка», на кончике которой была прикреплена коническая пуля. На спины людей и животных это должно было действовать неотразимо...

Во дворе харчевни еще гремел воинствующий голос:

— А меховая шуба, сволоочь проклятая? Если ты не поторопишься, я тебе покажу!..

— Я сейчас принесу ее, таита⁶⁾!

Индеец исчез в конюшне в поисках шубы и не появился больше. Десять, двадцать, тридцать минут, которые вызвали извержение самых разнообразных ругательств. Они шли, все усиливаясь в темпе и крепости; бог и богородица смешивались в устах капитана с креольской бранью. Но индеец, этот несравненный проводник, исчез, как сквозь землю провалился. Гонзалесу пришлось ограничиться новой порцией угроз будущих кар и несчастий по адресу беглеца и ехать одному.

— Не едите с капитаном. Это дикий человек, — предупредил меня хозяин харчевни.

И я под предлогом покупки отложил свой отъезд. Через два часа, когда я саялся на своего великолепного мула, ко мне навстречу двинулась овечья шкура, и из-под пыльной овчины высунулась всклокоченная голова, которая прошептала:

— Хочешь, я поеду с тобой, таита?

Хотел ли я? Еще бы! Это был сбежавший наказанный индеец. Я тоже в продолжение этих часов безуспешно искал проводника. Беглец знал опасные горные переходы, как свои пять пальцев, и шел с закрытыми глазами по тропинке, змеившейся над пропастью по скалам...

Я согласился, не уловившая в цене; индеец сказал мне на своем наречии, что мы встретимся за околицей деревни. Я остановился в одной хижине, чтобы выпить чашку «хиха» — настойки из кукурузы, которая освежает желудок и веселит сердце. Тут я увидел проводника верхом на изможденной лошаденке, более приспособленной, однако, к переездам, чем мой мул. И, ни слова не говоря, ничем не проявляя себя, индеец поехал впереди меня по горным тропинкам; когда солнце палило мне внутренности, он приносил кувшин с освежительной хиха или вкусные волокнистые зерна распаренного маиса. Никогда бы я не сумел устроить из пончо, шубы и седла такой мягкой постели, какой я наслаждался этой ночью.

Но на другой день путешествие стало более трудным. Услуживый

¹⁾ Такелаж—совокупность всех снастей судна; фок-мачта — передняя мачта; грот-мачта — средняя мачта.

²⁾ См. «Перувианские рассказы» того же автора в № 1 «Вокруг Света» за т. г.

³⁾ Широкий плащ.

⁴⁾ Жакэ — игра в кости

⁵⁾ Господин.

и смиренный, как всегда, мой спутник останавливался очень часто по дороге, как будто справляясь о чем-то в каждой хижине на своем мягком наречии. Индейки, принимая мою фляжку, чтобы наполнить ее хиха, смотрели на меня внимательно и я угадывал в их глазах неожиданную симпатию. Но кто может угадать, что происходит в душах этих несчастных рабынь? Два или три раза проводник нарушал молчание, чтобы рассказать мне своим детским лепетом истории, от которых у туристов волосы становятся дыбом. Наивные рассказы о том, как путешественники сваливаются в пропасть, потому что неожиданный камень, спрысывается с Андских высот.

— Вот посмотрите, таита!

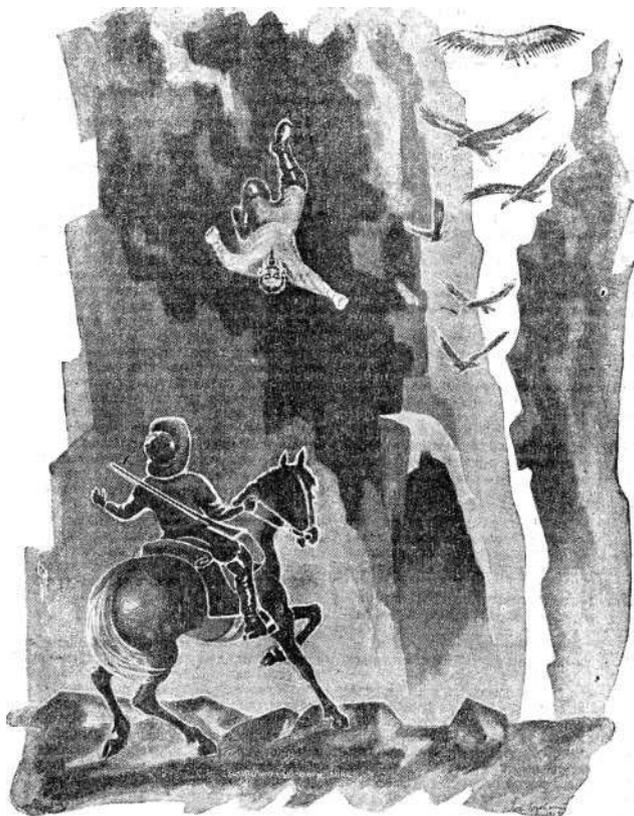
И он показывает в узкой лошине их скелеты, омытые речной пеной.

Я не хотел себе сознавать, но на меня это начинало действовать. Анды вечером — огромные серые могилы, и туман, поднимающийся из этих фиолетовых долин, над которыми возносятся снежные острия, вызывал во мне дрожь, как очевидная беда. По склону гигантских уступов узкая дорога, жмущаяся к камню и висящая над пропастью, казалось, вела нас, как в древних сказаниях, в зловещее место. Но тот же индеец, дрожавший под хлыстом, теперь с ловкостью акробата спустился с лошади, соскользнув через ее голову, и повел за повод моего боязливого мула, который, косясь на пропасть, дрожал и спотыкался о камни. Один час такого пути вконец расстраивает нервы. К тому же и ветер свистел между скал, усиливая головокружение. И уже приручившиеся кондоры, спускаясь с высот, рассекают воздух крыльями так близко от меня, что обжигают мне лицо, и я вижу их злые глаза...

Мы достигли узкого ущелья, из которого я мог видеть, среди серого однообразия горной цепи, желтое плоскогорье с торчавшими на нем зловещими кактусами.

— Подожди меня, таита, — прошептал внезапно проводник и исчез во мгновение ока.

Я ждал его напрасно. Мурашки побежали у меня по спине. Я надулся засунувший у меня за поясом револьвер, успокаивая нерешительного мула, который, насторожив уши, вращающиеся, как флюгера, измерял опасность и прислушивался к смерти. Какой-то шум раздавался вдали: что-то катилось, падая с высоты. Вдруг в пятнадцати метрах от меня протелела вьсь стая кондоров, и тогда совершенно ясно я увидел, как сверху, с головокружительной высоты, как

В пятнадцати метрах от меня протелела стая кондоров, и я увидел, как сверху, с головокружительной высоты падал труп человека...

раз надо мной, падала с грохотом в облаке пыли какая-то смутная масса — человек или быть может, лошадь. Кровянисть об острия скал, она достигла торного потока и окрасила пурпуром его пенные воды.

Смирнее чем когда-нибудь, мой проводник возвращался, скользя по камням, подобно горному зайцу. Он схватил моего мула за повод и прошептал певуче, как будто вздыхая: — Ты видишь, таита, это капитан...

— Капитан? — изумился я.

Индеец следил за мною своими непроницаемыми глазами, и, когда я забросил его вопросами, он неторопливо объяснил мне на своем наречии, что иногда, мол, таита, дерзкие кондоры задевают крыльями путешественника у самого края пропасти. Тогда он теряет равновесие и падает

в бездну. Вот это и случилось с капитаном Гонзалес.

Индеец прижал обе руки к сердцу, сняв широкополую шляпу, чтобы убедить меня, что он говорит истинную правду. И движением он показал мне больших птиц, спускавшихся на труп и уже терзавших свою добычу...

Я ни о чем больше не спрашивал его, потому что это — тайны страны, которых люди его племени не умеют объяснить белому человеку. Быть может, между ними и кондорами существует молчаливый договор, чтобы мстить нам, вторгшимся к ним. Но от этого несравненного проводника, который покинул меня у ворот Хуареса, отказавшись от какой-либо награды, я узнал, что не всегда можно эксплуататору безнаказанно — с красивой плеткой в руках — оскорблять смиренного побежденного...

ЖЮЛЬ ВЕРН

К столетию со дня рождения

(Окончание ¹) Очерк Я. Перельмана

IV.

Мы забежали вперед, заговорив о старости писателя. Нам предстоит еще познакомиться с событиями, наполнявшими среднюю пору его жизни.

Однажды Жюль Верну пришлось ожидать в приемной министра иностранных дел.

— Садитесь, господин Жюль Верн, — сказал ему слуга министра, тотчас же узнавший популярного романиста. — После далеких путешествий вы, без сомнения, очень устали.

Простодушный слуга воображал, что писатель лично совершает все те дальние странствования, которые описаны в его произведениях. Эту уверенность разделяли с ним, впрочем, и большинство почитателей французского романиста. Между тем, Жюль Верн побывал извневропейских стран только в Алжире и в Северной Америке: он плывал в Америку в 1867 г. на знаменитом «Грэт Истерн» — испанском (для того времени) пароходе, прославившемся прокладкой телеграфного кабеля через Атлантический океан. Романы «Пловучий город», «Север против Юга» и «Нарушители блокады» отражают впечатления, навеянные этим путешествием.

Отсюда не следует, однако, что прочие годы своей жизни Жюль Верн безвыездно проводил в кабинете. В биографии французского романиста есть полоса, заполненная частыми морскими плаваниями. Это период с 1875 по 1886 г.

Женившись и переселившись навсегда из Парижа в город Амьен, на родину своей жены, Жюль Верн вскоре приобрел небольшую парусную яхту «Сен-Мишель» в десять тонн водоизмещения. Экспонат яхты состоял всего из двух матросов-рыбаков и капитана, которым был сам Жюль Верн. Романист страстно отдавался этому спорту, уходя на своей яхте далеко в океан.

Позднее маленький парусник Жюля Верна был заменен паровой яхтой, названной также «Сен-Мишель». Это было уже гораздо более крупное судно в 35 метров длины, с машиной в 25 лоша. сил. В уютно обставленной каюте яхты Жюль Верн проводил много времени, однако никогда не писал здесь романов. Это было местом отдыха и размышления над планами новых произведений.

Море было страстью французского романиста; он любил жизнь моряков и превосходно изучил их ремесло. Он был «капитаном дальнего плавания» в полном смысле слова, хорошо знакомым с искусством кораблевождения. Портрет Жюля Верна в ту эпоху его жизни мы имеем в иллюстрации художника Риу к роману «80 тысяч верст под водой»: профессор Аронакс на палубе судна — не кто иной, как сам романист на борту своей яхты (см. фотографию в № 2 «Вокруг Света»).

Жюль Верн плывал на яхте «Сен-Мишель» к берегам Англии, Португалии, Испании, Алжира, Италии, останавливаясь в прибрежных городах. Еще до этого он совершил (в 1861 г.) поездку в Скандинавию; впечатления этого путешествия отразились в его романе «Зеленый луч» и «Лотерейный билет».

Таковы все путешествия, действительно преданные Жюлем Верном. Как видим, он никогда не переступал ни тропиков, ни полярного круга, и, конечно, не плывал в полярной лодке. Путешествия в дельте Африки, Южной Америки и Австралии, в полярные страны, в Китай, в Сибирь, в Турцию и т. д., так натурально описанные в его романах, выполнены были автором лишь в воображении. Путешествия в те страны, которых он не посетил, он описывал так же, как описал путешествие на Луну. В последнем случае он пользовался «Астрономией» Араго, в первом — «Всеобщей географией» Э. Реклю.

Как для исторического романиста вовсе не необходимо быть современником посещаемых событий, так и для романиста географического не обязательно личное посещение описываемых стран: тот и другой могут пользоваться источниками. Этого тем более нельзя требовать от романиста, что даже специалисты-географы не всегда исследуют лично те страны, о которых они пишут. Автор 19-томной «Всеобщей географии» Реклю писал в предисловии к своему труду: «Наша земля по отношению к отдельному человеку почти безгранична, и я вынужден был прибегнуть к помощи других авторов, посещавших и изучавших разные страны».

V.

На 58-ом году жизни Жюль Верн навсегда оставил морские путешествия и продал свою яхту. Причиной такого внезапного отказа от любимого спорта послужил несчастный случай: писатель сделался жертвой нападения искренно любимого им племянника — душевно-больного молодого человека, случайно ускользнувшего от надзора окружающих. Подверженный мании преследования, больной во время нападения ранил романиста в ногу выстрелом из револьвера. Извлечь пулю не удалось (лучей Рентгена тогда еще не знали), и рана превратила прежде крепкого старика до некоторой степени в инвалида, сделав невозможным для него передвижение.

Жюль Верн в своей библиотеке (в Амьене)

бывание не только на капитанском мостике, но и вообще на борту яхты.

С тех пор Жюль Верн до самой смерти почти безвыездно жил в Амьене, в тихом безмятежном уединении. Он покинул этот город только дважды — для посещения всемирных выставок в Париже в 1889 и 1900 гг. Однако, он продолжал выполнять свои общественные обязанности: регулярно посещал заседания коммунального совета, членом которого он состоял; бывал на собраниях Амьенской академии наук и иногда читал там доклады; не пренебрегал собрания общества эсперантистов, задачам которого горячо сочувствовал.

Неутомимо работая за письменным столом, Жюль Верн продолжал ежегодно выпускать по два тома романов. Он не ослабил темпа своей литературной работы даже тогда, когда в 1895 г. ослеп на левый глаз. В 1900 г. он окончательно потерял зрение, но продолжал работу с прежней энергией, диктуя свои произведения.

Только смерть остановила его работу. На 77-ом году слепой писатель заболел диабетом (сахарной болезнью), от которой ему не суждено было оправиться.

Когда у постели умирающего собрались его ближайшие друзья, он сказал: — Вы все собрались здесь; теперь я могу отправиться...

Это были его последние слова.

Он скончался 24 марта 1905 года.

VI.

Жюль Верна следует считать подлинным создателем научно-фантастического романа. До него робкие попытки в этом направлении делал лишь американский писатель Эдгар По (умерший в 1849 г.). Но написанные По несколько научных рассказов не могут идти в сравнение с 80-томной серией романов Жюля Верна, представляющей собой своеобразную естественно-научную энциклопедию.

Научную основу своих романов Жюль Верн разрабатывал с большой тщательностью. Он читал очень много из самых разнообразных областей знания, постоянно делая выписки заинтересовавших его мест. За долгие годы такого чтения у него накопилось свыше 20.000 заметок, извлеченных из научных книг и журналов.

С необыкновенным искусством умел он вплетать в нити увлекательной интриги полезные сведения из географии, астрономии, геологии, минералогии, физики, химии, зоологии, ботаники и из различных отраслей техники: воздухоплавания, электротехники, баллистики, судостроения, горного дела и т. п.

Замечательной особенностью Жюля Верна, которой не хватает всем его последователям, является то, что он не только ознакомил с уже достигнутыми успехами науки, но удачно угадывал их дальнейшие достижения, заранее проявил открытия и изобретения, свидетелями которых суждено сделаться позднейшим поколениям. Это не были беспочвенные мечтания, а логические выводы из существующего. «Я всегда стою на реальной почве», — говорил он и действительно не порывал с твердой основой научных фактов в самом смелом полете своего воображения.

Этим объясняется то, что многие технические предвидения Жюля Верна вполне оправдались, частью еще при жизни писателя. Он писал о побеле аппаратов тяжелее воздуха еще тогда, когда таких машин не существовало. Его электрический «Наутилус» далеко превосходил по

1) См. № 2 «Вокруг Света» за т. г.

Жюль Верн в возрасте 70 лет (незадолго до смерти).

совершенству те примитивные подводные лодки, которые строились в то время. В «Паровом доме» он познакомил широкого читателя с самодвижущимся экипажем, известным до того времени лишь ограниченному кругу специалистов. Он предвидел поразительные успехи электротехники тогда, когда она была почти в младенческом состоянии, и пророчествовал о том, что электричество со временем проникнет во все области человеческой деятельности. Он писал о громкоговорящем телефоне и о кинематографе («Замок в Карпатах», 1892 г.) раньше, чем они были изобретены, и предвидел возможность передачи изображений на расстоянии («Остров-винт», 1895 г.), осуществляющуюся в наши дни. Он предсказывал задолго до мировой войны исполнение пушки германской артиллерии («Пятьсот миллионов Бегумы», 1879 г.). Наконец, с необыкновенной ясностью сформулировал он идею межпланетных путешествий тогда, когда никто из его современников не отваживался еще рассматривать ее, как техническую задачу.

Строгие критики указывают нередко на ряд научных ошибок в романах Жюль Верна. С точки зрения современного состояния науки этот упрек, конечно, справедлив. Было бы удивительно, если бы научные романы, написанные несколько десятков лет назад (лучшие романы написаны 50 и 60 лет назад), не заключали никаких ошибочных сведений: это значило бы, что наука за столь долгий срок не подвинулась вперед! Даже и научные книги 1865—1875 гг. содержат немало устаревших, ныне признанных неправильными взглядов. Можно требовать лишь, чтобы научный роман стоял на уровне научных взглядов своей эпохи, а этому требованию романы Ж. Верна в большинстве случаев удовлетворяют.

Особенно тщательно проверен научный материал в астрономических романах Жюль Верна. В некоторых отношениях французский романист превосходил даже работы позднейших астрономов. Английский научный журнал «Знание» (в статье «Астрономия у Жюль Верна») пишет по поводу романа «Из пушки на луну» следующее: «Кривая, описанная снарядом Жюль Верна, дает повод к весьма интересным вопросам. Она начинается и кон-

чается на Земле и представляет собой замкнутую орбиту — снаряда. Такую орбиту должна описывать частица, выброшенная с Земли и подверженная действию только силы земного тяготения. Но под совместным действием Земли и Луны форма орбиты, очевидно, должна измениться. Это было указано впервые Бюро, исследовавшим различные относящиеся сюда частные случаи. Джордж Дарвин также исследовал подобные случаи. Но лишь недавно была дана обая теории этого вопроса профессором Ф. Р. Мультоном, который доказал существование подобных орбит и нашел необходимые начальные условия их существования. Жюль Верн надолго превосходил эти исследования. Несмотря на частичную устарелость научного материала романов Жюль Верна, они и в наши дни далеко не утратили своего образовательного значения. Пере-

изваяя их, следует лишь внести в их текст необходимые исправления.

На этот путь встало издательство «Земля и Фабрика», выпускающее теперь переводы лучших произведений Жюль Верна, с соответствующими исправлениями и примечаниями, под общей редакцией Вл. А. Попова).

¹⁾ Вышли в продажу следующие романы: Приключение капитана Гаттераса. 280 стр., с 29 рис. и 2 картами. Ц. 1 р. 75 к. (в тисненном золотом переплете на 55 к. дорожке). 20.000 лье под водой. 340 стр., с 36 рис. и 3 картами. Ц. 2 р. 20 к. Робур-завоеватель. 320 стр., с 31 рис. Ц. 2 р. Таинственный остров. 464 стр., с 54 рис. Ц. 3 р. Печатаются: Дети капитана Гранта. 448 стр., с по третьем Жюль Верна, вступительным очерком Вл. А. Попова и 49 рис.

ЧЕТЫРЕСТА ПОТЕРЯННЫХ ОСТРОВОВ.

Если мы посмотрим на глобус или на карту мира, то сразу увидим, что около трети поверхности Земли занято бассейном Великого океана, или Тихого, как назвал его знаменитый мореплаватель Магеллан.

Великий океан представляет огромную водную пустыню, отделяющую Азию от Америки. В средней части Великий океан простирается более чем на 16.000 километров с запада на восток. Это расстояние почти вдвое больше, чем расстояние от Ленинграда до Владивостока. С севера на юг — от Берингова пролива до островов Новой Зеландии — Великий океан имеет около 12.000 километров.

На этом огромном водном пространстве раскинуты бесчисленные острова, из которых многие, как оказывается, совершенно еще не исследованы. В текущем году Гидрологическое Бюро в Вашингтоне (Соед. Штаты Сев. Америки) составило подробную карту Великого океана и его островов, снимок которой мы здесь помещаем. На эту карту нанесено, между прочим, 425 островов, указанных на картах XVIII столетия — и совершенно неизвестных современным мореплавателям.

Таким образом в наши дни, в двадцатом веке, когда стали уже считать, что весь земной шар исследован и изучен,

оказывается, что на пространстве Великого океана более 400 островов не только совершенно не исследованы, но и неизвестны!.

Почему же так случилось? Почему империалистические державы, старающиеся присвоить самый ництожный клочок земли и объявляющие своей собственностью даже Южный полюс, упустили из виду целых 400 островов, расположенных в тропическом поясе и поэтому могущих доставлять ценные продукты?

Произошло это, главным образом, потому, что за последнее полвека Великий океан не исследовался, а пароходные регулярны; рейсы между портами Азии и Америки совершаются по определенному пути. Пароходные сообщения, не способствуют новым открытиям. Пароходы идут от одного известного острова к другому по заранее установленной линии, оставляя в стороне огромные пространства океана.

Вследствие этого многие острова, открытые знаменитыми мореплавателями, плававшими на парусных судах — Джемом Куком; Бугенвилем, Липерузом и Дюмон-Дюрвилем — постепенно были забыты и затеряны. Эти острова лежат вне боль-

ших океанских дорог, и на них никогда не заходят пароходы.

Американское Гидрографическое Бюро возбуждает ходатайство о снаряжении в ближайшем будущем большой экспедиции для исследования Великого океана.

Возможно, что эта экспедиция, если она состоится, откроет ряд новых островов и встретит на многих из этих загадочных островов новые племена, неизвестные в настоящее время. Может быть, на некоторых островах живут потомки случайно заброшенных туда европейских матросов и мореплавателей?

Факты показывают, что это вполне вероятно. Нынешним летом одно американское китобойное судно, возвращаясь из южных полярных морей, случайно пристало к небольшому острову Мас-А-Фуэро, который считался необитаемым.

К своему большому удивлению, экипаж судна встретил на острове трех белых людей, которые спаслись случайно при кораблекрушении и прожили, затерянные в океане, несколько лет, как настоящие Робинзоны.

Н. Л.

РАЗРЫВ РОАЛЬДА АМУНДСЕНА С АНГЛИЕЙ.

Как известно, великий норвежский исследователь полярных стран Роальд Амундсен достиг Южного полюса 16 декабря 1911 г.

Прибывший туда всел за ним 18 января 1912 г. английский полярный исследователь капитан Скотт нашел оставленную Амундсеном палатку, в которой находился протокол, подписанный Роальдом Амундсеном, Олафом Олафсоном Бжаландом, Гилмером, Ганссеном, Севером Г. Гасселем и Оскаром Вистингом.

На обратном пути английская экспедиция Скотта погибла, тогда как, норвежская — Амундсена — благополучно прибыла в Европу.

Таким образом фактически открывшим Южный полюс, несомненно, является Роальд Амундсен. Это признано всем ученым миром.

Однако, английская буржуазия никак не могла примириться с фактом, что Южный полюс открыт не англичанином, а норвежцем. Пользуясь тем, что капитан Скотт все же достиг Южного полюса, в английских школах учат, что открыт он был капитаном Скоттом.

Роальд Амундсен, как человек скромный, всегда заявлял, что готов разделить славу открытия этого конечного пункта нашей земли со своим английским товарищем Скоттом.

Амундсен всегда особенно подчеркивал ту неоценимую услугу, которую оказывали ему собаки. «Не будь этих прекрасных животных, моя экспедиция неизбежно погибла бы», — говорил он.

У Скотта были и собаки и лопи, и много другого, чего не имел Амундсен. Но у членов богато снаряженной английской экспедиции не имелось одного, чем обладал Амундсен, а именно: умения обращаться с этими животными. Этому норвежский путешественник учился у эскимосов. От них он перенял и все способы борьбы с суровой полярной природой. Амундсен шел в своей опасной пути, как

эскимос: Скотт — как буржуазный путешественник, окруженный полным комфортом. В результате, уже в исходной базе Скотт потерял одну треть транспортных животных, и дальнейшая их утрата была главной причиной его гибели. Амундсен берег собак, как зеницу ока, и они, по его же словам, выручили его экспедицию.

Вот этим-то заявлением скромного ученого воспользовался председатель английского Королевского Географического Общества, знаменитый ненавистник СССР, покойный лорд Керзон. С ученым миром лорд Керзон ничего общего не имел. Он был выдран председателем Королевского Географического Общества только из прислужничества большинства его членов, которые также не принадлежат к миру ученых.

Дело в том, что Королевское Географическое Общество в Англии далеко не представляет собою строго научного учреждения, каким, например, является наше Географическое Общество. Это скорее клуб путешественников и туристов. Членом Королевского Географического Общества может быть каждый, кого рекомендуют в него два члена. Раз он внесет членский взнос и представит одну или две корреспонденции, напечатанные в английской печати о своем «путешествии», он примет членом этого Общества. Подвешивающее число членов его — коммерсанты, колониальные чиновники и оставшиеся офицеры. Каждый информатор министерства иностранных дел непременно состоит членом Королевского Географического Общества, значением которого нередко пользуется и военная разведка.

В числе почетных членов этого Общества — много имен известных мировых ученых и путешественников. Это происходит оттого, что обыкновенно их избирают без предварительного запроса о согласии и попросту уведомляют об этом письмом. Королевское Географическое Общество в Англии — очень старое учреждение. Оно издает свой журнал и среди буржуазии пользуется большой популярностью,

В ученых же кругах к нему относятся с покровительственной снисходительностью, как к «частному», «любительскому» обществу. Нельзя смешивать его с «Королевским Обществом», являющимся учреждением, соответствующим нашей Академии Наук. В нем географический отдел поставлен на чисто научных началах. В «Королевское Общество» принимаются исключительно ученые.

15 ноября 1912 года Королевское Географическое Общество чувствовало банкетом Амундсена, как открывшего Южный полюс. Председательствовал на банкете лорд Керзон. По предложению ныне покойного полярного путешественника Эрнста Шеклтона, поддержанному доктором В. С. Брюсом, лорд Керзон должен был провозгласить тост за здоровье Амундсена и поблагодарить его за великую услугу, оказанную науке.

Лорд Керзон встал и, подняв бокал, провозгласил:

— Пью за здоровье собак мистера Амундсена, без которых ему не удалось бы открыть Южного полюса! — При этом он сделал в сторону удивленного Амундсена председательский жест, недопускающий никаких возражений.

Никто из присутствовавших не решился опротестовать дерзкую выходку лорда Керзона, или заглядеть оскорбление, нанесенное почетному гостю Общества.

Между Амундсеном и Королевским Географическим Обществом по этому поводу началась переписка, которая не привела ни к чему.

Но вот вышла в свет книга Амундсена: «Моя жизнь как исследователя». В этой книге великий путешественник, упоминая о наглости выходке лорда Керзона, между прочим говорит, что англичане (т.е. английская буржуазия) вообще плохо скрывают недовольство своими неудачами. Другими словами, что они плохие спортсмены, когда проигрывают. Амундсен попал в самое больное место англичан (т.е. английской буржуазии).

Это замечание Амундсена было подхвачено английской буржуазной печатью. Теперь Королевское Географическое Общество сочло себя оскорбленным «дерзкой» выходкой норвежца. Тост за собак ведь забыл! Королевское Общество потребовало от Амундсена формального извинения за оскорбление, нанесенное всей «английской нации». В случае неисполнения этого требования, Общество будет считать, что Амундсен не желает продолжать числиться в списках почетных членов-корреспондентов. И вот, 13 ноября 1927 г., великий ученый-путешественник нашей эпохи Роальд Амундсен через своего секретаря уведомил письмом Королевское Географическое Общество о том, что он просит больше не считать его в числе своих членов.

Так состоялся разрыв Амундсена с буржуазной Англией.

Б. Р.-Б.

УГОЛОК ФИЛАТЕЛИСТА

КОЛОНИАЛЬНЫЙ БЫТ НА МАРКАХ.

Быт колониальных народов, все еще находящийся под гнетом так называемых «великих держав», — в той или иной мере отразился на почтовых марках. Перелистывая страничку альбома, отведенные маркам французских, английских, бельгийских, португальских и других коло-

кий, мы отчасти знакомимся с бытом их обитателей туземцев.

Серия марок Сенегала (рис. 1) — французской колонии в Сев.-Зап. Африке, омываемой с запада Атлантическим океаном и граничащей на востоке с французским же Суданом, — живописует отряд туземцев на окраине деревушки; вдали видны хижины; по краям тропическая растительность: баобабы, акации, различные пальмы, каучуковые деревья. Заметим, что население Сенегала — смешанного происхождения: негрские, берберские и арабские племена; ни одно из негрских племен не сохранилось в чистоте; более значительные: джолофы, серы и тукулеры.

Берег Слоновой Кости (французская колония в Западной Африке) выпустил серию марок, изображающую туземцев, гребущих в лодке, нагруженной слоновой костью (рис. 2). Еще с древних времен слоновая кость представляла драгоценный материал для выделки предметов роскоши. В настоящее время слоновой кости (получаемой из бивней слонов) становится все меньше и меньше; она употребляется теперь лишь на мелкие вещи и украшения, благодаря способности легко поддаваться резцу и полировке (очень редко — для нужд производства, например — в работе позолотчиков).

На марке Мозамбика (одной из восточно-африканских колоний Португалии) мы видим зулуса (народ кафрского племени) среди слоновых клыков (рис. 7). Клыки, поступающие в продажу, достигают в отдельных случаях 2,5 метра длины и 90 килограмм веса. Обычно кость изогнута по дуге круга, хотя подаются и двойкой кривизны, наподобе бычьего рога.

Марки Камеруна (бывшей германской колонии в Западной Африке, по версальскому договору отошедшей к Франции) показывают пастухов негрского племени дуалла, купающих в Гвинейском заливе небольшое стадо буйволов (рис. 3). Племя дуалла является основной частью местного населения и принадлежит к группе негров «банту». Они коренасты и «хорошо сложены», с красноватой кожей и очень безобразными чертами лица. Как и у других негрских племен, у них существуют (в дополнение к разговорной речи) тайные сигналы, подаваемые посредством ударов барабана или хлопанья по надутым шарам.

Бельгийское Конго¹⁾ в красочной серии марок выпуска 1923 года дает нам изображение занятых своей работой корзишника (рис. 4) и резчика по дереву (рис. 5) и профиль мужчины из племени «убанги», населяющего низменности одноименной реки — большого притока Конго с правой стороны. Длина Убанги около 2 500 км (из них 1 100 км судоходны для небольших судов). Убанги открыт 19 марта 1870 г. известным путешественником Швейцар-

том, который, как и позже Юнкер, считал его верховьем реки Шари.

Рабочее-туземца, занятого промывкой золотого песка в особо устроенных для этого приспособлениях (рис 6), встречаем на марках Гвианы²⁾ — французской колонии на северо-восточном берегу Южной Америки.

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 5.

Рис. 6.

Рис. 7.

Рис. 8.

Рис. 9.

Рис. 10.

Рис. 11.

Рис. 12.

На марке Габона — французской колонии на юго-западе Африки, омываемой Гвинейским заливом — изображен туземный воин (рис. 8) со стрелами, в пыльном головном уборе, присутствием только воинам. Изображение тантаник находим на марках островов Товарищества (архипелага в Полинезии), принадлежавших к колониям Франции (рис. 9).

Марки французского берега Сомали (на северо-востоке Африки) дают изображение араба, бывшего в ударный инструмент (подобие нашего барабана), на фоне пасущегося стада коз (рис. 10). Сомали разделено на «сферы влияния»: британскую, итальянскую и французскую.

Негра, поднимающегося на пальму, показывает марка Дагомеи (рис. 11). Страна эта, расположенная в Северо-западной Африке, на Невольничьем берегу, также является одной из многочисленных французских колоний. Главный продукт — пальмовое масло.

Марка о. Мадагаскара (рис. 12) — прекрасная иллюстрация той эксплуатации, которой подвергают местных жителей, подлинных хозяев страны, всякого рода капиталистические пришельцы — будь то французы, англичане, голландцы. На рисунке — туземцы несут колониального чиновника. Наглядная символика!

Здесь будет кстати вкратце упомянуть

¹⁾ Крупнейшим портом является Кайена — родина перца, одно из мест сылка преступников.

о новом направлении, возникшем в советской филателии, о «златоустовской платформе», основателем которой являлась группа учащихся одной из школ 2 ступени г. Златоуста. «Златоустовцы» говорят: «марка — не только знак почтовой оплаты, но и документ эпохи». Действительно, одним из ярчайших документов жестокой

эксплуатации колониальных народов может послужить приведенная нами марка Мадагаскара...

А. Ч.

ПО СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ.

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОХОТА.

В январе с. г. закончилась хозяйственная перепись населения приполярной тундры, начавшаяся летом 1926 года и продолжавшаяся 19 месяцев. Перепись охватила 25 000 человек разных кочевых племен-тунгусов, остяков, самодов, якутов и других, разбросанных на территории в 11 1/2 миллиона кв. километров.

Для связи между участниками статистической экспедиции и для передвижения их были использованы всевозможные средства, включая «собачью эстафету» и «ледяной телеграф». Участниками экспедиции сделано (на лыжах и в санях) свыше 40 000 километров, при чем на каждую переписанную семью пришлось более 30 верст. Поэтому приполярную перепись в шутку называли «статистической охотой».

Помимо статистических данных, экспедиция привезла капитальные материалы по этнографии, флоре и фауне приполярной области.

О РАЗВЕДЕНИИ СКУНКСА.

Владивостокское, отделение Географического Общества выписало из Америки несколько экземпляров скулкса, которые будут пушены в новый питомник на острове Попова.

Скулкс (скулкус) принадлежит к семейству хищных, питается мелкими животными, птичьими яйцами, грызунами, ящерицами и лягушками. Его родиной являются американские редкие леса и пампгсы.

Величиной он с кошку, цвет меха — черный, с широкими белыми полосами вдоль боков и спины. Мех пышный, красивый и очень ценится на заграничном рынке.

Истребляющий множество мелких грызунов, вредителей полей, скулкс является полезным животным.

ЗОЛОТОНОСНЫЕ ПИЩЫ.

Жители села Кара-Чумышского, расположенного на реке Чумыш (одна из алтайских рек, приток Оби), во время осеннего забоя птиц нашли в зобах у них мелкие крупицы металла, похожего на золото. Крестьяне прислали несколько писем в Новосибирск, в которых утверждают, что по берегу реки они очень часто встречали этот металл. То же самое сообщают и жители соседнего поселка Еловки. Крайисполком запросил у Сибзолота его мнение по поводу загадочного металла.

ЭККУРСИОННАЯ БАЗА НА БЕРЕГУ БАЙКАЛА.

Эккурсионная база бюро байкаловедения приобрела в селе Лиственничном, на берегу Байкала, в 60 километрах от Иркутска, дом, в котором будет сосредоточена вся

экскурсионная работа и работа по изучению Байкала. База будет обслуживать, кроме экскурсий, всех приезжающих в Иркутск для изучения Байкала научных работников. Будут устроены научные кабинеты, ботанический сад, читальный зал, метеорологическая станция. Среди местных крестьян создана краеведческая ячейка.

РАЗВЛАЧИТЕЛЬ ТАЙН.

Краеведческая страсть докатилась до далекого севера. В с. Подкаменная Тунгуска на Енисее живет крестьянин-кузнец Алексеев. Он регулярно посылает в Красноярский музей метеорологические сводки. В течение нескольких лет Алексеев составил календарь всем явлениям природы, позволяющий определить, когда лучше ловится рыба, когда убирать сено и собирать ягоды и т. д. Местные рыбаки, обычно, ждут «святого», и, когда они начинают ловить, Алексеев уже отловил, взяв хорошую добычу. Разочаровавшись в показаниях «святого календаря», многие рыбаки уже перешли на «Алексеевский календарь».

ПОЖАР, ДЛЯЩИЙСЯ ПОЛГОДА.

В камышах озера Кара-Куль (Киргизия) в июле минувшего года были обнаружены саранчуки — колоссальные отрождения саранчи. Исключительное обилие саранчуков не позволило произвести обычно практикующееся в таких случаях затравление формалином, и для спасения посевов и трав целой губернии было решено поджечь каракульские камыши. Камыш выгорел, но пожар перекинулся на имеющиеся здесь залежи торфа, и вот уже полгода торфяные богатства непрерывно

пожигаются огнем. Как сообщают среднеазиатские газеты, о тушении пожара не может быть речи, и вся надежда лишь на глубокий снег.

ЛЕСНОЙ ЗАПОВЕДНИК В СМОЛЕНСКОМ ГУБ.

Согласно решению Главнауки, в Вельском уезде устраивается лесной заповедник, на который отводится 55 тысяч гектаров. Из этого количества 35 тысяч гектаров занимает совершенно нетронутый лес, 20 тысяч гектаров — болота и озера. Район заповедника никем не населен. Там сохранились медведи, рыси, куницы, выдры и лоси. В центре заповедника будет построена биологическая станция.

МИЛЛИОН ИЗ ВОЗДУХА.

На «Красном Треугольнике» закончила работу специальная комиссия по обследованию опытной установки т. Окатова, обладающей свойством улавливать из воздуха пары различных растворителей: бензина, спирта, эфира и т. п.

Изобретение Окатова позволяет не только улавливать улетучивающийся в воздух бензин, но и превращать пары в чистый бензин. Себеостоимости каждого килограмма бензина, получаемого из воздуха при помощи опытной установки, не превышает 10 коп.

Выяснено, что в резиновой промышленности около 90% бензина испаряется. На «Красном Треугольнике» ежегодно издается несколько сот тысяч пудов бензина. Изобретение Окатова может дать одному только заводу «Красный Треугольник» около одного миллиона рублей экономии в год.

Ответственный редактор В. Нарбут.

Заведующий редакцией Вл. А. Попов.

**ВСЕМИРНЫЙ
СЛЕДОПЫТ**

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1928 год

на ЖУРНАЛ ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ

**ВСЕМИРНЫЙ
СЛЕДОПЫТ**

В 1928 г. подписка на „ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ“ РАСПАДАЕТСЯ НА 2 АБОНЕМЕНТА:

1-й АБОНЕМЕНТ (за 6 руб.):

12 № № „ВСЕМИРНОГО СЛЕДОПЫТА“ — ежемесячного богато иллюстрированного журнала путешествий, краеведства, приключений, охоты и научной фантастики. Обложка печатается в 6 красок (офсет).

24 № № „ВОКРУГ СВЕТА“ — двухнедельного иллюстрированного журнала путешествий и приключений на суше, на море и в воздухе.

12 № № „ВСЕМИРНОГО ТУРИСТА“ — первого специального журнала, посвященного пешеходному, водному и горному туризму как в СССР, так и за границей. Содержит наиболее яркие рассказы и капитальные путевые очерки туристов; как и где путешествовать по суше, морю, озерам, рекам и в горах; интересные и дешовые маршруты; масса зарисовок с природы, фотографий и карт.

12 двойных таблиц „ГАЛЛЕЕРЕЯ НАРОДОВ СССР“ — изображающих характерные типы жителей, одежду, жилища, орудия производства, утварь и др. различных народов СССР (печатается в 6 красках на войл. стр. обл., „Следопыт“).

2-й АБОНЕМЕНТ (за 10 руб.):

В этот абонемент входит, кроме всего перечисленного, в 1-м абонементе, —

24 КНИГИ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ЛОНДОНА 24

С портретом и биографией.

Это первое общедоступное издание полного собрания сочинений популярнейшего автора нашей современности является фундаментальным изданием в библиотечку каждой семьи, школы и клуба, изыскателью.

(Все издание — 48 книг — рассчитано на 3 г. 1928—1929).

Одержанье 24-х книг (романы, повести, рассказы):

Сердца трех. — Джерри Острогвиния. — Майкель-брат Джерри. — Рассказы Рыбацкого патруля. — Северная Одесса. — Смок-Белью. — Путешествие на „Сизарке“. — Дорога. — Приключение. — Межведущий скиталец. — Зов предков. — Белый млык. — Сила сильных. — Принцесса. — До Адама. — Алая чума. — Сыны солдата. — Морская волк. — Дочь снегов. — Игра. — Первоначальнй зверь и др.

— Всего в 24-х книгах — около 3500 страниц.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА С ПЕРЕСЫЛКОЙ И ДОСТАВКОЙ ВО ВСЕ МЕСТНОСТИ СССР:

1-й АБОНЕМЕНТ:
на год — 6 руб., на 6 м. — 3 руб. 25 к., на 3 м. — 1 руб. 75 к., на 1 м. — 60 к.

2-й АБОНЕМЕНТ:
(с приложением Дж. Лондона на год — 10 руб., на 1 мес. — 1 руб.)
ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВ ПО 2-МУ АБОН. (при усл. подл. НЕПОСРЕДСТВЕННО из Изд-ва) предоставляется **РАССРОЧКА:** при подп. — 3 руб., к 15 марта — 3 руб., к 15 июня — 2 руб., к 15 сентября — 2 руб.

ПОДПИСКУ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ (ПОЧТОВЫМ ПЕРЕВОДОМ): Москва, центр, Ильинка, 15. Акц. Изд. О-ву „ЗИФ“.

ВЫПИСЫВАЙТЕ
ПО ПОЧТЕ

МУЗЫКА

БАЛАЛАЙКИ
5, 50, 6, 6, 25, 6, 75,
7, 80, 8, 65, 9, 60, 13,
15, 18, 20 и 25 р.

ГИТАРЫ
15, 18, 19, 22, 26, 30,
35, Кош. 40, 50.

МАНДОЛИНЫ
15, 19, 25, 30, 35, Кош.
40, 50, 70.

ГАРМОНИИ
35, 40, 55, 75, 90, 110,
130 и 150 р.

ГРАММОФОНЫ
50, 75, 80, 95.

ПИОНЕР. БАРАБАНЫ
15, 16, 19, 25.

ГОРНЫ
17, 19, 22, 27, 30.

Местом, клубам и коллективам скидка 10%. Заказ исполняем немедленно. Скидка 20% оставшиеся изложенным платежом. Полный иллюстрированный проспект высылается за 2 почтовых марки.
ПОЧТ.-ЛОСЛ. БЮРО
Москва, Гл. Почт. ул. 1031.

НОВИЛКИ!

Бедожинов, Практическая фотография, в 3 томах, 334 стр., 129 руб. 3 р. **Его же**, Как почитать коронный негатио, 50 к.

Рубин, 1000 вопросов, технических рецептов, 3 р. 50 к.

Дехария, Кухня на плите и примусе, 550 рецептов и инструктивных таблиц, 1 р. 20 к.

Фелетелко, Ветроприштан для мальчиков, воздухоплавание, 176 стр., 2 р. 20 к.

Киеши, Моя воздухоплавание, в 1 р. 25 к.

Беловский, Металлургия, самоучитель, 1 р. **Шеданж**, Сам стреловлавок, 1 р. 60 к.

Федоров, Домашний ремесленник, все ремесла в одной книге: плотничьи, столярные, токарные, отделка деревянных изделий, вой, ковровые, бочарные, картоняжные, переплетные, проволочные, кузнечные, слесарные, токарные по металлу, валяние, кружевные, швейные, выделка овчины, варка мяса, выделка шкур, меховая, меховая, проволочная, крамляя, акварельные, обувные, гофрированные, печные, малярные и штукатурные работы, детские, радиолюбительские, 3 р.

Новый рисунок для вышивания на дереве. Около 250 деталей в 10 листах. Состав, вышивка, Тараколанд, 3 р. (с пересылкой, 3 р. 50 к.). **Вены без перес.** Высылка наложенным платежом.

Книжка **В. С. Степанова** «Материалы», 28 стр., Владимирский, 31.

КЛАССИЧЕСКИЙ ТРУД
проф. **Августа Фороля**
ПОЛОВОЙ ВОПРОС

Краткое изложение. Приспособление жизни существ, Верменность, Половое стремление, Сексуальная любовь, Исторические формы половой жизни, Половые болезни, Половые извращения, Половая гигиена. Идеал брака будущего.

Цена за оба тома с перес. 4 р. 50 к.
Адрес: Москва, ул. Герцена, 22/12.
Книжное Дело „ПРОВЕЩЕНИЕ“.

НОВАЯ КНИГА
ДОМАШНИЙ
РЕМЕСЛЕННИК
САМОУЧИТЕЛЬ

Всех ремесел в одной книге: плотничьи, столярные, токарные, бочарные, переплетные, кузнечные, слесарные, плавильные, луженые, никелирование, оцинкование, выжигание, керамика, зорка, обувь, гончары, печки, малярные, штукатурные, изотопы, радиолюбительские, 144 рис. Цена с пересылкой 3 р. 50 к. Можно посылать мелкоиндустриальным методом.

КНИЖНИЦА „КНИГОВЕД“
С. К. Л. Д., Москва, 13, ул. Герцена, 22/12

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

не следует изучать по старым методам. Наилучший признак новейшей метод Мертнера не требует заучивания слов и правил. Самоучитель немецкого языка, состоящий из 10 выпусков, в обработке П. Шкелова, изд. Гос. Ученого Совета, высылается за 2 р. 45 к. Такой же английский самоучитель (пр. грамм.) выс. за 3 р. 15 к. Адрес: Москва, ул. Герцена, 14-22/12. Книжное дело „ПРОВЕЩЕНИЕ“.

24 кн. УВЛЕКАТЕЛЬНЫХ РОМАНОВ 24 кн.
около 4.000 стр. ИЗ ЖИЗНИ РАЗЛИЧНЫХ ЭПОХ И НАРОДОВ около 4.000 стр.
за 6 р. в год (ВМЕСТО 9 р. 60 к.) за год

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1928 г. на
БИБЛИОТЕКУ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ

лучших русских и иностранных авторов, в новой литературной обработке, с обязательными примечаниями и с предисловиями **ФЕЛИКСА КОНА**, **А. В. ДУНАЧАРСКОГО**, **Ю. ЛАРИНА** и др.

В „БИБЛИОТЕКУ“ входят популярнейшие романы: А. Дюма — „Три мушкетера“, „Мари Тен“, „Дети предвора короля Артура“, Р. Хаггард — „Дочь Монтегю“, В. Гюго — „Человек, который смеется“, Ч. Диккенс — „Барни-Редди“, Уильям Скотт — „Роза Рок“, Л. Джексон — „Ледяной дождь“, А. Франс — „Богих жаждут“, Флобер — „Саламбо“, Шиньягата — „Война на поле не воюет“, Тетмайер — „Горные Орлы“, М. Меримэ — „Варфоломеевская ночь“, Г. Эберс — „Ураги“, Джюновиани — „Саргата“, Костомаров — „Кулаги“ и другие.

Все 24 книги (по 160 стр. убористого текста в каждой) в красочных обложках. „БИБЛИОТЕКА“ рассылается раз в две недели. Ежемесячно подписчики получают по 2 книги (320 стр.).

МЕНА КАЖДОЙ КНИГИ „Библиотека“ в книжки, магаз., в киосках и у газетч. — 40 к.

ПОДПИНАЯ ПЛАТА (с перес. и дост.):
на год — 6 руб., 6 м. — 3 руб. 25 к., 3 м. — 1 руб. 75 к. и 1 месц. — 60 к. Выписывающим непосредственно из Изд-ва допускается РАСПРОЧКА годовой платы: при подписке — 3 р., к 1 мая остальные 3 р.

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ (почт. переводными): Москва, центр, Ильинка, 15, 31Ф.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ТАКЖЕ: в Москве — в магазинах „ЗиФ“ 1) Столешниковский пассаж, пов. 2я, в провинции: в Отделециях „ЗиФ“ 1) Ленинград, пр. 23 Октяб., 1 и 2) Харьков, Лопухинская, Голышниковский пер.; 3) Ростов и Д. ул. Зельская, 10/110, 4) Киев, ул. Вологодская, 25, писем. 38, 5) Днепропетровск, пр. К. Маркса, 38, и во всех отделениях центральных газет, в киосках на ж.-д. станциях, повсеместно в почтовых отделениях и книгопродавцах, доставляющих корреспонденцию за дом.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ С ЯНВАРЯ МЕСЯЦА!

ВАЖНО для библиотек и читателей

ЛУЧШЕЕ ЧТЕНИЕ ДЛЯ СЕМЬИ
ПО ЗАМЕЧАТЕЛЬНО УДЕШЕВЛЕННОЙ ЦЕНЕ!

Полный комплект: литерат.-худож. и научно-популярн. журнал „30 ДНЕЙ“ за 1925 г. (9 №№), около 1000 страниц, текста и иллюстраций — повести, рассказы, стихотворения: И. Бабеля, А. Бельмского, А. Жарова, Е. Зюлова, Всев. Иванова, В. Ибер, В. Маяковского, Мих. Колыно, Вл. Лидина, Б. Пильника, Л. Сейфуллина, Ю. Слепезина, Вяч. Шинкина, Изы Эрзенбурга и мн. друг., а также много разнообразного и интересного материала.

ЦЕНА КОМПЛЕКТА — ДВА РУБЛЯ
Количество полных комплектов ограничено. Имеется также в продаже журнал „30 дней“ за 1923 год. Комплект из 10 №№ (кроме № 1 и № 2) — РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ

ЛУЧШИХ СОВРЕМЕННЫХ АВТОРОВ
высылается за 2 руб. Отдельные №№ по 30 к. Выписывающие одновременно „30 дней“ за 1925 и 1926 г. (всего 11 книг в красочных обложках, свыше 2.000 стр. интереснейшего текста, много по иллюстраций) платят за оба комплекта три рубля 50 коп. Комплекты высылаются исключительно по получению платежа.

ПЕРЕСЫЛКА БЕСПЛАТНО
направляется: Москва, центр, Ильинка, 15, 31Ф.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ

ПОЛНЫЙ СПРАВОЧНИК
ПО ФИЗИКУЛЬТУРЕ

Под общ. ред. В. И. Коронисского, Одоверен Зин, Советом Физкультуры. Около 630 стр. текста. Более 100 рисунков. Литая вклетка. Шведская гимнастика. Зимний спорт. Вольный спорт. Гребной спорт. Парусный спорт. Французская борьба. Лест. Дзюдо. Английский бокс. Фехтование. Теннис. Аэробика. Бодибилдинг. Спортивная гимнастика. Боевое искусство. Цыганский спорт. Боевое искусство. Цыганский спорт. Боевое искусство. Цыганский спорт.

Цена с пересылкой 2 р. 90 к.
Адрес: Москва, ул. Герцена, 22/12. Книжное дело „ПРОВЕЩЕНИЕ“.

Ликеры дом коньяк

НАСТОЯЩИИ И НАЛИВКИ

Накладный приготавливает сам из русских. Водки, растворенной в ней ароматические вещества — „BON OUI“

Высылается набор на 12 бут. по получению перевода 3 р. 60 к. или наложенн. плат. **ОТЛОМ СИДЛА**.

Проп. выс. по получ. оной 8-к. нар. Техн.-Хим. лаборатор. **И. П. ДАУГАВЕТ**
Москва, почт. отд. 11. Саблина, 1.

от конторы „СЛЕДОПЫТА“

Оставшиеся в небольшом количестве полные комплекты „Следопыта“ за 1927 г. (12 № №) высылаются за ЧЕТЫРЕ рубля. Отдельные № № кроме № 9 и № 11 (которых в остатке не имеется) — по 40 коп. за экз.

Пересылка за счет издательства.

Наложным платежом журнал не высылается. Заказы и деньги направлять: Москва, центр, Ильинка, 15, 31Ф.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

Л. Н. ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ в 15 томах.

Томы I и XII **вышли и рассылаются подписчикам**

ВСЕ ИЗДАНИЕ БУДЕТ ЗАКОНЧЕНО В ТЕЧЕНИЕ 1928 года.

Каждый том содержит от 16 до 35 печатных листов (от 250 до 560 страниц), отпечатанных на хорошей плотной бумаге большого формата 14 × 21. Часть тиража выпускается в отменном коленкоровом переплете с цветным тиснением.

ВСЕ тексты произведений заново проверены по печатным и рукописным первоисточникам, сделаны цензурой купюры и искажения восстановлены по первоисточникам, тома снабжены примечаниями, выясняющими историю происхождения каждого произведения.

Это полное собрание художественных произведений **Л. Н. Толстого** является **первым и единственным** фундаментальным пореволюционным собранием, выпускаемым с внешней стороны по типу лучших зарубежных изданий.

ПО ПОЛНОТЕ И РЕДАКЦИОННОЙ ОБРАБОТКЕ ЭТО ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ХУДОЖЕСТВ. ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПРЕВОСХОДИТ ВСЕ ПРЕЖНИЕ ИЗДАНИЯ

ТЕКСТ ПРОРЕДАКТИРОВАН **К. И. ХАЛАБАЕВЫМ** и **Б. М. ЗЙЖЕНБАУМОМ**.
Примечания Вс. СРЕЗНЕВСКОГО.

Издание снабжено 12 портретами **Л. Н. ТОЛСТОГО**

Даны важнейшие варианты всех произведений (в том числе: „ВОЙНА И МИР“, „АННА КАРЕНИНА“, „ВОСКРЕСЕНИЕ“ и др.). **Посмертные произведения:** „ДЬЯВОЛ“, „МАТЬ“, „СОН МОЛОДОГО ЦАРЯ“, „ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО“, „АЛЕША ГОРШОК“, „ПОСМЕРТНЫЕ ЗАПИСКИ СТАРЦА ФЕДОРА КУЗЬМИЧА“, „ЧТО Я ВИДЕЛ ВО СНЕ“, „ОТЕЦ ВАСИЛИЙ“, „ИЕРОМОНАХ ИЛИОДОР“, „ДЕТСКАЯ МУДРОСТЬ“, „ЖИВОЙ ТРУП“, „И СВЕТ ВО ТЬМЕ СВЕТИТ“, „ОТ НЕЙ ВСЕ КАЧЕСТВА“ и др. печатаются в XI, XII, XIV и XV тт. по авторграфам и авторизованным копиям Академии Наук СССР.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

за пятнадцать томов без переплета **15** рублей
в коленкоровых переплетах **22** рубля

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

на издание в переплетах — задаток 4 руб. и при высылке шести посылок (по 2 тома в каждой) по 3 руб. Последние три тома без посылок. На издание без переплета — задаток 3 руб., и при высылке шести посылок (по 2 тома в каждой) по 2 руб., а последние три тома без доплаты. **Пересылка за счет подписчика.**

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ

в Главн. контору подп. изданий Госиздата — Москва, Рождественка, 4, тел. 4-87-19, в отдел., магазины, киоски и во все почт.-тел. конторы.

КИТАЙСКИЙ КВАДРАТ ГОЛОВОЛОМКА

Интерес. Полезная научная в тренировка (дает 40 вариантов, геометр. фигур) Высылается по адресу: 48 коп. * марками.
* Изобр. Ля, Владивосток, 40.

Единствен. по своей легкости Общий цифр. самоучитель **ДЛЯ ГИТАРЫ** МАНДОЛИНЫ и БИМАЛАЙКИ, с водами песнями, Романсами и пр. высылается за 2 р. 85 к. **ДЛЯ ГАРМОНИИ** (музр.) такой же самоуч. с 30 муз. №№. выс. за 2 р. 85 к. Адр: Москва, ул. Герцена, д. 22/12. Книжное дело „Провесение“.

ПОДАРОК МОЛОДЫМ ХОЗЯЙКАМ ДЕШЕВЫЙ СТОЛ

Кухонная книга, свыше 300 рецептов и вегетарианских блюд, с приложением **МЕНЮ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ** Цена с пересылкой 35 к., включая плат. 1 р. 10 к. Заказ отправл.: Москва 19, ул. Герцена 22/12, книжный магазин **ВДЫШЕВА**.

ИЗДАНИЕ 1926 ГОДА АЛЬБОМ РИСУНКОВ художника А. А. Таранова ДЛЯ ВЫПИЛИВАНИЯ ИЗ ДЕРЕВА.

30 листов большого формата (67×41 см.), в изящной папке. Цена с пересылкой 3 р. 60 к. Адр.: Москва, ул. Герцена, 22/12. Книжное дело „Провесение“.

НОВАЯ КНИГА САМОУЧИТЕЛЬ

КНИЖИЙ МУНИЦИПАЛЬНЫЙ с 73 рис. и чертежами II 1 р. 80 к., с пересылкой 2 р. Москва, ул. Герцена, 22/6. Книжный склад „КНИГОВЕД“.